

Понимаем ли мы Евангелие?
Опыт осмысления Вечных Истин
в свете современного знания

Аннотация

Виктор Николаевич Тростников (род. 1928 г.), писатель, ученый, философ. Профессор Российского Православного Университета им. св. Иоанна Богослова. Автор более ста работ по различным разделам физики и математики, а также книг по научной апологетике

Книга содержит размышления автора об опыте осмысления Вечных Истин в свете современного знания.

1. Размышления о седьмом апреля

"Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление", поется в тропаре на Благовещение. Как все-таки выразителен церковнославянский язык! Чтобы передать смысл этой фразы нашей бюрократически формализованной речью, надо сказать вдвое длиннее: "Сегодня во исполнение Божьего Замысла совершается таинственное событие, которым открывается дело спасения человеческого рода". Одно сравнение этих двух предложений показывает, как мало понимают те, кто призывает перевести богослужение на русский язык, чтобы "не утаивать от народа слово Божье". Если бы они поменьше теоретизировали и почаще ходили в церковь, им бы стало ясно, что слово Божие как раз в церковнославянской речи находит свое адекватное выражение, так как красота формы соответствует при этом глубине содержания, а емкость лексики, идущая от идеального языка богословия, на котором разговаривали греки Кирилл и Мефодий, обеспечивает необыкновенную лаконичность...

Но вернемся к тому языку, который нам дан сегодня. Итак, таинственное, необъяснимое событие, чудо. А поскольку оно идет первым в цепи таких же необъяснимых событий, ведущих к нашему искуплению Богочеловеком, то это чудо из чудес. Это и воплощение невместимого Бога в крошечную зародышевую клетку, и безмужнее зачатие. Куда уж больше! Можно ли придумать что-либо еще, где естественные законы отменялись бы в таком же масштабе?

Но давайте поглядим внимательнее. Не ограничиваясь восклицанием "Дивны дела Твои, Господи!", попробуем подойти к феномену Благовещения "научно".

Конечно, тут сразу напрашиваются два возражения. Во-первых, не будет ли это кощунством? Подобаает ли благочестивому человеку разглядывать таинство в электронный микроскоп? Во-вторых, нет ли в самой постановке

проблемы внутреннего противоречия? Церковь учит, что Благовещение непостижимо, и мы, кажется, с этим согласны, по тем не менее хотим его постигнуть. Где же логика?

Не отведя эти возражения, нельзя было бы двигаться дальше. Но они оба легко отводятся.

Первое из них есть побочный результат антирелигиозной пропаганды недавнего прошлого. Она неизменно изображала христианство обскурантизмом, враждебной интеллекту слепой верой, и это как-то засело в нашем сознании. Но если бы оно действительно отвергало интеллектуальную деятельность в Богопознании, то было бы невозможным существование христианского богословия. А оно не просто существует, но и является самой стройной и самой универсальной из всех философских систем, представляет собой подлинную "полноту истины", куда входит и истина как рассудочное познание. Все святые отцы высоко ценили человеческий разум, отмечая, что именно его наличие отличает нас от животных, и призывая постоянно им пользоваться. Нашей церковью причислена к лику святых великомученица Варвара, которая, глядя на окружающий мир из окна башни, "вычислила" Бога дедуктивным методом, и это вменяется ей в достоинство. Рассуждение и логика являются для настоящего христианина столь же естественным, как дыхание, и применяются учителями веры к осмыслению всех евангельских событий, в том числе, конечно, и Благовещения. Есть, например, слово на эту тему константинопольского патриарха Прокла, в котором блестяще вскрыта диалектика таинства. Так что мы лишь скромно продолжим освященную веками традицию. Второе же возражение к нашему намерению вообще не относится, ибо мы собираемся не познавать непознаваемое, а только нащупать его границы со стороны познаваемого. Наша задача состоит в том, чтобы определить, до какого места разум может вести нас в восприятии Благовещения, чтобы потом сдать его с рук на руки религиозной интуиции. Иными словами, мы попытаемся определить здесь объем чуда. Действительно ли он так уникально велик?

Есть причины, по которым эта проблема важна и интересна. Это не праздное любопытство, а то самое богословие, которым занимались десятки поколений христианских ученых и которое наше поколение обязано продвигать дальше. Может быть, именно сейчас пришло время поставить вопрос о разработке количественных подходов к чудесному, к отысканию хотя бы самого грубого критерия в этой области. Ведь искусство измерять все естественное ныне достигло высочайшего уровня, так что, если мы принципиально не можем измерить само чудо, мы можем достаточно точно измерить остальное и произвести операцию вычитания.

Но для чего это нужно? Из опыта науки хорошо известно, что главная ценность количественных методов состоит в придании достоверности качественным суждениям. Только измерения дают возможность физикам или астрономам превратить гипотезу в теорию, подозрение — в уверенность, догадку — в факт. Но почему бы этому не быть справедливым и по

отношению к богословию? А и области богословия можно высказать важную гипотезу, которую очень хотелось бы проверить. Похоже, объем чуда, совершаемого Богом в каких-то целях, всегда минимален, так что Его домостроительство, называемое по-гречески "экономией", и вправду предельно экономично в смысле расходования сверхъестественной силы.

На чем основывается это предположение? Прежде всего на евангельских текстах. То, что эта сила, оставаясь для нас непостижимой, для Самого Бога измерима и действительно "расходуется", показывает следующее место. "В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?" (Мр. 5, 30). Услышав этот вопрос, коснувшаяся сзади ризы Христа и получившая исцеление женщина сильно испугалась, будто украла что-то вещественное. Видимо, вопрос Христа был строгим по своей интонации, может быть, даже грозным. Ему очень не понравилось, что Его благодатная энергия разбазаривается неизвестно кем, и неизвестно для каких целей. Но Христос есть истинный Бог, единосущный Отцу и Святому Духу, следовательно, желание контролировать эту энергию присуще всей Троице и составляет Ее божественную стратегию. Вероятно, бережное отношение к этой силе — один из принципов управления миропорядком. А вот другое любопытное место Евангелия: исцеление слепорожденного. Как Иисус исцелил его? "Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойдй умойся в купальне Силоам, что значит "посланный". Он пошел и умылся, и пришел зрячим" (Ин. 9,6). Зачем Иисусу понадобились такие сложности — Он же мог просто сказать "виждь", и увидел бы! Но в этом случае объем чуда был бы намного более значительным. Иисус предпочел свести его почти к нулю: к наделению некоего материального субстрата свойствами лекарства, а все остальное предоставил действию обычной врачебной процедуры. Он сделал всего лишь то, что почти способен сделать хороший врач.

Гипотезу о минимизации чудес подкрепляют и теоретические аргументы. Это есть принцип наименьшего нарушения Богом естественного хода событий, означающий, что Бог старается максимально подчиниться Им же Самим установленным законам тварного мира при вторжении в этот мир. Такая внутренняя дисциплина вполне соответствует нашему представлению о Боге как о совершенном существе (Мф. 5,48). Даже земной царь, если он достаточно умен, всегда будет уважать собственные указы и постановления, подавая этим пример своим подданным, и только крайняя необходимость может побудить его отменить их для себя в таком-то месте и в такой-то момент. Если он, например, распорядился, чтобы в воинскую часть никого не пропускали без пароля, то, подойдя к караульному, обязательно сам произнесет пароль, а не будет кричать: как ты смеешь меня задерживать, я твой царь! Тем более должен так вести себя гораздо более умный Небесный Царь. И действительно, в течение всей Своей земной жизни Иисус, как лицо двойной природы — божественной и человеческой, — жил одновременно в

двух мирах. Как человек, он смиренно подчинялся людским установлениям, законам в юридическом смысле этого слова, традициям и обычаям. Он пошел креститься водой у Иоанна, хотя Ему это совершенно не было нужно (Мф. 3, 14). Он пожертвовал деньги на храм, принадлежащий Его Отцу, то есть Ему Самому (Мф. 17, 27). Он покорился арестовывающим Его первосвященникам, хотя мог бы обратить их в камни или испепелить (Мф. 26, 53). Как Бог, Он с серьезностью Творца относился к законам природы, то есть к установлениям Пресвятой Троицы, куда входит и Сам. И если Он и сотворил на глазах людей множество чудес (Ин. 21, 25), прибегая к локальной и временной отмене этих законов, то это делалось не просто так, а ради создания у людей психологической готовности к принятию христианства. Это было важнейшим этапом создания спасающей Церкви, осуществлением дела Божественного домостроительства, а значит, в конечном счете, продолжением и завершением сотворения мира.

Насколько же велик был выход за пределы естественного в "главизне нашего спасения!?"

"Эмбриогенез начинается с сингамии". Эта фраза, взятая из учебника биологии, на обычный язык переводится так: "Развитие зародыша начинается с оплодотворения". Что может быть тривиальнее этой сентенции? Разве только "Волга впадает в Каспийское море". Но если вдуматься в нее, она может удивить и стать толчком к плодотворным размышлениям. Если мы хотим что-то понять, нам прежде всего надо учиться удивляться простым вещам. Такое удивление было главным двигателем науки. Ньютон удивился тому, что яблоко падает на землю, и так родилась теория тяготения. Эйнштейн удивился тому, что масса пропорциональна весу, и так возникла общая теория относительности. Я приглашаю вас удивиться и тому, что эмбриогенез начинается со слияния двух половых клеток, называемых гаметой, в оплодотворенную клетку, называемую зиготой. Удивительно здесь то, что гаметы, находившиеся до этого в организме в течение многих лет неизменными, после этого сразу взрываются активностью. С места в карьер зигота начинает делиться — сперва пополам, потом на четыре клетки, потом на восемь, а вскоре начинается неопишуемая по сложности и тонкости дифференцировка клеток и тканей и возникновение органов. Все выглядит так, будто после оплодотворения происходит пробуждение от спячки, будто включается какой-то мощный механизм созидания, строящий по определенному плану организм данного вида.

Поскольку этот план должен включать в себя описание миллиардов будущих клеток, их взаимного расположения, их взаимных связей, число которых будет иметь порядок уже миллиарда в квадрате, а сверх того и точный хронометраж их появления на своем месте, он не может поместиться в самой зиготе и должен находиться где-то вне ее. Это признают скрепя сердце даже эмбриологи-материалисты. Но тогда лучше говорить не о включении механизма, а о подключении оплодотворенной клетки к какому-то внешнему источнику информации, снабжающему ее необходимыми

инструкциями на протяжении всего развития. Эмбриогенез точнее всего описывается словами царя Соломона: "Премудрость построила себе дом" (Пр. 9, 1). Что же такое эта премудрость? Так как она невещественна и при сформировании под ее управлением тела животного соединяется с ним и одушевляет его, то она есть душа этого животного. Впервые она соединяется с его телом именно в тот момент, когда из двух гамет образуется зигота: оплодотворенная клетка уже является одушевленной, иначе она не начала бы жить и расти. Конечно, "вся душа" вначале в нее не вмещается, однако, пребывая в основном вне ее, она уже начинает распоряжаться зародышем и хлопотать о расширении и обустройстве своего будущего жилища, которое намеревается сделать своей резиденцией. Короче, душа входит и плоть уже на стадии одноклеточного эмбриона, и с этого момента можно говорить о живом существе, об индивидууме, а в случае высших животных и человека — и о личности.

Акты воплощения душ в зародыши происходят на земле и в воде уже в течение сотен миллионов лет и в количестве не менее миллиона в секунду; так что, если это и чудо, то "обыкновенное чудо", а значит, не чудо в том смысле, который нас с вами сейчас интересует. Но прежде чем переходить к необыкновенному чуду Благовещения, надо затронуть еще один принципиальный вопрос: откуда берется воплощающаяся в зиготу душа?

По этому поводу высказывались две точки зрения. Согласно первой, души изначально существуют в невидимой области бытия и, выстраиваясь в очередь, ждут своего шанса воплотиться. В крайней форме эта теория отражена в индуистской религии переселения душ. Она не может быть принята по той причине, что в ней индивидуальное оторвано от родового: сегодня некто является человеком, а завтра он же может сделаться свиньей. Это противоречит неоспоримому факту двухприродности всякого живого существа: любая личность есть не только "Я", но и "Мы". Более тонким было учение великого христианского ученого третьего века Оригена о предсуществовании человеческих душ. Однако на Пятом Вселенском Соборе 553 года оно было отвергнуто как заблуждение. С этим нужно согласиться, и не только потому, что определения Церкви всегда вернее мнений отдельных богословов, но и по логике. Достаточно спросить себя о количестве заготовленных душ, чтобы утверждение Оригена представилось надуманным. В идеальном варианте число предвечных душ должно в точности равняться числу всех оплодотворенных в ходе истории яйцеклеток, а это значило бы, что половая активность бесчисленного количества животных заранее предопределена и в мире отсутствует свобода. Если же предположить, что души были наделаны Богом с запасом, то это было бы с Его стороны слишком жестоко: души, которым не хватит зигот, обречены на страдание, так как их стремление к активности останется нереализованным,

Не проще ли предположить, что между материальной и идеальной компонентами появляющегося во вселенной нового существа должна быть симметрия: как зигота возникает в самый момент оплодотворения, а до этого

ее не существует, так и воплощающаяся в ней душа возникает в этот же момент, а не раньше. Это отвечает тому принципу "экономии", о котором мы говорили выше. Содержать в Своем Царствии мириады душ, которые, может быть, будут затребованы, а может, нет — это не стиль мудрого Бога, все решения Которого отличаются высокой эффективностью и особым изяществом. Скажем, в иммунной системе организма антитела не запасаются заблаговременно, а начинают синтезироваться в момент появления в них необходимости. Заранее заготовлены лишь программы их синтеза, записанные в кодах ДНК. Как только разведывательные клетки обнаруживают антиген, РНК начинает снимать с этих программ копии и включает в действие рибосомы, собирающие из нужных аминокислот соответствующие белки.

Этот пример можно рассматривать и как подсказку. По аналогии с хорошо изученным наукой механизмом строительства конкретного белка можно догадаться, как устроен механизм строительства организма в целом, механизм эмбриогенеза. Деятельности рибосом, находящихся только в цитоплазме, соответствует функционирование всей совокупности материальных структур организма. Деятельности РНК, которой доступно как ядро, так и цитоплазма, благодаря чему она доставляет коды белков от ДНК к рибосомам, соответствует деятельность индивидуальной души, способной находиться и "здесь", и "там" и поэтому тоже выполняющей посреднические функции. Что же в таком случае надо уподобить молекуле ДНК, не выходящей за пределы клеточного ядра? Очевидно, тот самый "план вида", существование которого ощущают все эмбриологи, не решаясь признать его абсолютной реальностью, как еще две с половиной тысячи лет назад это сделал Платон. Они не способны к такому признанию потому, что эйдос вида целиком находится "там", а никакого "там" для науки не существует. Поэтому она обречена не понимать сути эмбриогенеза, как был бы обречен не понимать сути синтеза белков исследователь, обладающий странным дефектом зрения: не видящий клеточного ядра. Для всех же тех, кто не страдает профессиональной болезнью зрения ученых, приведенная аналогия многое ставит на места. Да, никакого сонма заготовленных для воплощения душ у Бога нет, а есть по одному невещественному образцу для каждого биологического вида, в том числе и для человека. А когда происходит слияние двух гамет и образуется зигота, с этого образца снимается копия, обладающая способностью входить "сюда" и соединяться с зиготой, становясь ее душой и начиная направлять ее развитие по невидимому плану, к которому продолжает иметь доступ. Это предусмотрено самим миропорядком и, однажды будучи установлено Богом, уже не требует Его специального вмешательства. Как только происходит оплодотворение, так сразу же в мире появляется новая личность. Таков космический закон воплощения.

Теперь о безмужнем зачатии. У низших животных оно распространено достаточно широко и называется партеногенезом. В этом случае сливаются

две гаметы одного хозяина. Это бывает у дафний, коловраток, тлей, пчел, а в некоторых случаях и у птиц. Но более развитым видам партеногенез не свойственен. Почему? Либо потому, что у высших животных имеется какой-то экранирующий механизм, не дающий слиться двум гаметам одного организма, либо потому, что при слиянии таких гамет им не придается душа, то есть имеется экранирующий механизм, препятствующий одушевлению такой "кровосмесительной" зиготы, вследствие чего она остается мертвой и не развивается. Материал, полученный в ходе экспериментов по искусственному оплодотворению, позволяет думать, что верно не первое, а второе объяснение.

После этого экскурса в биологию вернемся к нашему основному вопросу.

В слиянии двух собственных гамет Девы Марии чуда еще не было — такое слияние в принципе может произойти у всякой женщины. Необычным было то, что образовавшаяся клетка стала развиваться. Но это объясняется тем, что с ней соединилась способная руководить ее развитием духовная монада, так что тут нет ничего удивительного. Этой монадой было Второй Лицо Троицы, Бог Слово. Он пожелал Самим Собой заменить душу зиготы и исполнил Свое желание. Сильно ли пришлось Ему при этом нарушить законы природы? Не пришлось совсем. Дом, который Он начал Себе строить, ни у кого не был Им отнят, он все равно остался бы пустующим. Обычная человеческая душа не могла вселиться в нем, так как партеногенеза на уровне человека не происходит. Он занял горницу, которая была никому не нужна, на которую никто не претендовал. Как это поучительно! Даже ради спасения человеческого рода Бог не захотел изменить судьбу одной-единственной души, которая автоматически устремилась бы к зиготе, чтобы в нее воплотиться, если бы это было обычное двухродительское зачатие. В этом случае Ему пришлось бы либо убить эту душу, либо, дав ей воплотиться, затем обожить ее, подняв до Своего уровня. Первое предположение неприемлемо, так как Бог никого не убивает. Второе тоже неприемлемо, ибо это чистейшее арианство. Таким образом, мы приходим к поразительному выводу: безмужнее рождество, которое богословы прошлого считали величайшим из чудес в свете современной биологии предстает единственно возможным способом Боговоплощения. Оставаясь тем Богом, каким Его знает Православие, Спаситель иначе просто и не мог родиться.

Итак, нарушения естественных законов мы пока не обнаружили. Может быть, тогда Благовещение вообще не было чудом. Нет, элемент чудесного в нем все же имелся, хотя и совсем ничтожный. Дело в том, что все гаметы женского организма содержат икс-хромосому, а при слиянии двух таких гамет получается зародыш женского пола. А Иисус был мужчина. Значит, при воплощении в зиготу Бог изменил несколько химических связей в одной из гамет, переписав код "икс" на код "игрек". Это была переделка в тысячи раз более "ювелирная", чем работа любого искуснейшего ювелира: вмешательство в имеющиеся структуры было осуществлено почти на

атомной уровне.

Таков был объем величайшего чуда, ставшего началом поспирания смерти и дарования нам вечной жизни. Оказывается, самым чудесным из всего тут была малость этого объема. В этой невообразимой малости проявилась бесконечная Божья премудрость, которой слава во веки веков.

2. Когда оставалось уже совсем немного времени...

Период, когда Иисус уже родился и жил на земле, но еще не приступал к Своей проповеди и был никому не известен, кроме тех, кто жил по соседству и видел в Нем просто "сына плотника", представляется каким-то загадочным, вроде "темных веков" средневековой истории. Только в тридцать лет произошло "Явление Христа народу", и с этого момента Его жизнь известна чуть ли не по дням, а как Он жил до тридцати, мы почти ничего не знаем. Как Он ел, как пил, наказывали ли Его родители, проявлял ли Он способности в учебе и где и у кого учился, насколько успешно осваивал плотницкое мастерство? Обо всем этом нам очень хотелось бы узнать подробно, ибо назревали связанные с Ним важные исторические события, а смысл всякого события становится яснее, если вглядываешься в его предысторию.

Но, как это ни парадоксально, наше обостренное любопытство к этому периоду и досада, что мы не можем его удовлетворить, возникают из-за того, что мы недооцениваем значение произошедшего потом. Приход в материальный мир принявшего на Себя человеческую плоть Бога-Сына был событием историческим, но не в политическом или культурном смысле. К сожалению, мы часто забываем об этом и начинаем смотреть на это событие как на появление на земле замечательного учителя, преподавшего людям высоконравственные заповеди, то есть низводим онтологию до уровня психологии. Это огромная ошибка. Даже если мы признаем при этом божественную природу Иисуса, мы все равно впадаем в ересь — пусть не арианскую, но близкую к ней, которую можно назвать "ренановской ересью". Ее насаждали французский писатель Ренан и его последователи, в том числе наш священник Александр Мень. Они подходят к Христу как к историческому деятелю, этот аспект поглощает у них все остальное. Это значит, что они пытаются вписать Христа в уже готовую историю, тогда как нужно делать нечто противоположное — разматывать из Него историю как нитку из клубка, причем как в будущее, так и в прошлое. Ни о каком "естественном" историческом процессе, протекающем по своим собственным законам и в какой-то момент включившем в себя Христа, не может быть и речи: без Него вся история была бы другая.

Ренанизм возник и распространился в католической среде, но это не значит, что католическая Церковь с ним согласна. Она относится к Христу гораздо серьезнее, и ей даже кажется, что серьезней Православной Церкви. Космичность акта вочеловечивания Бога подчеркивается ею в догмате о непорочном зачатии Девы Марии, которого мы не принимаем. Он состоит в

утверждении, что в момент слияния половых клеток Иоакима и Анны в зародышевую клетку будущей Марии вторглось божественное вмешательство, и с этой клетки был снят первородный грех, так что Мария с самого зачатия была не ветхозаветной женщиной, которая якобы не могла бы родить Бога, а уже "новой тварью". Но непризнание нашей Церковью этого догмата свидетельствует на самом деле о том, что мы смотрим на вещи еще серьезнее. Православие считает, что Богородица предуготовлялась к своей миссии многими поколениями ее предков, очищавшихся Святым Духом и достигавших, несмотря на свою "ветхозаветность", высокой праведности. Не одним щелчком создал Господь Свой избранный сосуд, а кропотливой работой, напоминающей работу селекционеров. Взяв черенок от псалмопевца Давида, Он веками выращивал тот род и ту семью, которая оказалась достойной дать плоть Его единородному Сыну и воспитать Его. Но это составляло лишь часть всесторонней подготовки, которая требовалась для великого события.

Его величие определяется тем, что это была переделка мироустройства, осуществление второго запасного варианта Шестого Дня Творения — создания Богом человека по Своему образу и подобию. Первый вариант не удался, и это поставило под угрозу смысл предыдущих пяти Дней, ибо человек был замыслен как венец Творения. Адам и Ева, которые должны были соединить в себе всю доступную телесному существу святость, не устояли перед искушением и пали. И вот тогда Бог стал действовать по другому плану: ввел их потомство в русло времени, чтобы собирать необходимый для Небесного Царства объем святости из разных поколений, как пчела собирает нектар со сменяющихся друг друга цветов в течение всего лета. Но диавол, соблазнивший прародителей, продолжал держать людской род в плену, ухватившись за ставший его наследственным признаком первородный грех. Для снятия этого генетического изъяна и сошел к нам Бог-Сын.

Непосредственно актом снятия была мученическая смерть Христа, Его тридневное Воскресение и ниспослание на апостолов Святого Духа, в результате которого возникла спасающая Церковь. Но если бы не было подготовки, это не дало бы должного эффекта. Подготовку можно подразделить на ангельскую, пророческую и Иисусову. Под последней надо понимать трехлетний период общественной активности Иисуса, который называют "служением", — от чуда в Кане Галилейской до Его ареста первосвященниками. Об этом периоде мы говорить здесь не будем и ограничимся обсуждением того, что было до канского чуда.

Конечно, вся подготовка — великая тайна, ядром которой является Тайна Боговоплощения. Халкидонское определение гласит, что у Христа две природы. Он совершенный Бог и совершенный человек. Но это нельзя понимать так, что Он "наполовину Бог, наполовину человек", такое понимание как раз и ведет к ренановской ереси. В двадцатые годы на московском рынке один торговец выкрикивал: "Продаю котлеты, конина

пополам с рябчиками!" Некто купил котлету и говорит: "Сознайся, ведь непополам!" — "Конечно, пополам, отвечает продавец, — один конь, один рябчик". Так и здесь. Если бы в Христе Божественное начало смешивалось с человеческим, то, в силу того, что первое бесконечно превосходит второе, получился бы просто Бог и никакого человека, то есть Халкидонский догмат не выполнялся бы. Христос есть не соединение, а параллельное наличие двух природ или двух состояний единой Личности. Его человеческое состояние было отделено от Божественного, поэтому не поглощало его.

Лучше всего это можно пояснить с помощью аналогии. Вспомним, что и у нас бывает так, что мы делаемся как бы двухприродными: когда мы видим сон и в то же время знаем, что это сон, а не реальность. У некоторых людей это параллельное бодрствующее сознание присутствует лишь в редких сновидениях, у других — почти во всех. При этом происходит нечто странное: в сновидении мы разговариваем с давно умершими людьми, мгновенно переносимся из одного места в другое, летаем под облаками, свободно перемещаемся в прошлое и будущее, и это нас совершенно не удивляет, хотя мы отчетливо сознаем, что этого не может быть. Бодрствующее Я почему-то не мешает спящему Я жить по законам, господствующим в мире снов, но что самое удивительное — это не два разных Я, а одно, никакого раздвоения личности тут не происходит. Как это получается, объяснить невозможно, но это есть несомненный факт, известный каждому из нас по собственному опыту.

Народная мудрость, выраженная в фольклоре, считает, что в сновидениях наша душа, покинув тело, устремляется в горний мир и пребывает вместе с ангелами у Божьих чертогов. Если это так, значит в описанном случае мы наряду со своей обычной земной природой обретаем еще и какую-то высшую природу, и обе они существуют в нас, независимо друг от друга, представляя собой как бы две параллельные плоскости нашей экзистенции. Так вот, в случае Боговоплощения произошло нечто противоположное: Христос, помимо Божественной Своей природы, обрел еще и человеческую, и каждая из них оставалась автономной, следовательно, несколько не нарушенной и не искаженной. Поэтому и сказано: "совершенный Бог и совершенный человек". Вочеловечение было для Бога-Сына неким сновидением, зеркальным тем нашим сновидениям, в которых мы видим себя на небесах. Зеркальность состоит в том, что для нас основная реальность — земля, а дополнительная — небо, а у Него было наоборот. Но принцип раздельности соблюдается и там и там. В том "сне", в котором Богу "приснилось", что Он — человек, Он не мог совершать того, что может совершить Бог. Он не был в нем всесильным и всемогущим, перестал быть им, хотя ни на секунду не забывал, что Он — Бог. Основное Его сознание не могло отключиться у Него на время вочеловечения, как наше бодрствующее сознание отключается в большинстве наших снов, ибо это — Божественное сознание, существующее вне времени. И вот невероятная вещь: ни одно из Своих бесчисленных чудес, совершенных в земной жизни, Иисус не

сотворил Сам: все их сотворил по Его молитве Бог-Отец. Возьмем, например, величайшее из Его чудес — воскрешение четырехдневного Лазаря. "Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня... (Указав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон" (Ин. 11,41–43). А вот потрясшее народ чудо с хлебами и рыбами. "И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и, переломив, дал хлебы ученикам, и ученики — народу" (Мф. 14, 19). Опять "воззрел на небо", то есть помолился Отцу — на этот раз про Себя. И так везде. Согласно принципу неслиянности двух природ, который всегда подчеркивается нашим богословием, в Своей земной деятельности Иисус был только человеком. Если хотите, это был "Серафим Саровский в квадрате", поскольку был совсем без греха, а значит не "очень святой", как преподобный Серафим, а "абсолютно святой" и, соответственно, в большей степени чудотворец. Но Он был в то же время "Серафим Саровский наоборот", ибо батюшка Серафим стал "очень святым" человеком в результате восхождения, и этот уровень был для него блаженством, в то время как Христос стал "абсолютно святым" человеком в результате нисхождения, и пребывание на уровне человека доставляло Ему страдание. Сновиденческую жизнь во плоти, где Он был так ограничен в Своих возможностях, Он воспринимал как неестественную для Себя, как "кенозис" — бесконечное умаление. Он очень любил Своих учеников, но всегда понимал, что они Ему не ровня, никакого панибратства между ними быть не могло. "Где буду Я, туда вы не можете прийти", — говорил Он им не однажды (Ин. 7, 33). От этих слов веет бесподобным аристократизмом, Он проявлялся в Иисусе во всем: перечитайте Евангелие, и вы будете чувствовать его на каждой странице. Но особенно впечатляющее его проявление заключается в том, что нет ни одной Его фразы, ни малейшего намека, ни даже мимолетной интонации, показывающих, что у Него возникло чувство Своего недостойнства, что Он в чем-то осуждал Себя, каялся, был Собой недоволен. Парадоксально, но факт: в основателе христианства полностью отсутствовала основная христианская добродетель, главный признак святости: считать себя последним из людей. В первой же фразе Нагорной проповеди Он сказал: "Блаженны нищие духом" (Мф. 5,3), но в Нем Самом нищеты духа не было и в помине. Поэтому, когда говорят "надо подражать Христу", это как-то не очень понятно. Как можно подражать Тому, Кто всегда говорил как власть имущий (Мф. 7, 29)? Правда, Он сказал однажды: "научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем" (Мф. 11, 29), но научиться — это не значит подражать. Подражание есть механическое повторение поступков другого, а "научиться" — значит проникнуться теми же чувствами и тем же волевым настроением, которые обусловили эти поступки. Проникнувшись ими, ты можешь совершать совсем другие поступки, но они будут такими же по своему духу. Смирение сердца состояло у Христа в том, что Он, будучи Богом, стал человеком. Сделать то же самое мы никак не

можем, но мы можем и должны сделать то, что будет в том же духе: представляя собой нечто, стать как бы ничем. Это в наших силах, и это делали все христианские подвижники — истинные ученики Христовы.

Став человеком во втором плане Своего бытия, Христос не перестал быть Богом в первом, главном его плане и не переставал знать об этом. В этом причина Его потрясающего аристократизма, недоступного никаким земным царям. Недаром Церковь называет Его "Царь царей". Этого совершенно не чувствуют еретики ренановского направления вплоть до Льва Толстого, Михаила Булгакова и Александра Меня, поэтому изображают Христа то "хорошим человеком", то "глубоким философом", то "гениальным проповедником". Они не понимают главного: с самого Своего рождения Он был не нам чета, вокруг Него менялось пространство и время, через Него проходила ось Вселенной, стоять рядом с Ним было страшно, ибо земля, на которую Он ступал, становилась святой.

...Богу снился сон, который Он добровольно согласился увидеть, хотя знал, что у него будет страшный конец. Ему приснилось, что Он стал немощным человеком, связанным по рукам и ногам странной материальной оболочкой, называемой плотью. Но Его бодрствующее сознание продолжало работать, и это было сознание Властелина Мира. И хотя Он "возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости" (Лк. 2, 40), ни на каком этапе Своего возрастания не чувствовал Он Своей неполноценности и недостаточности Своих знаний. Развивался лишь Его "сон", но Личность Его не могла развиваться, ибо всегда была совершенной. В отрочестве Она была точно такой же, как и в зрелости. Потеряв двенадцатилетнего Иисуса на празднике Пасхи в Иерусалиме и найдя через три дня в храме, родители стали упрекать Его, что Он заставил их так переволноваться. Он же ответил им: "Зачем вам было искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?" (Лк. 2, 49). Через двадцать один год Он скажет ученикам то же самое: "Все, что имеет Отец, есть Мое" (Ин. 16, 15). Так что действительно никакой эволюции на уровне личности у Иисуса не было, а было возмужание того телесного существа, которым Он стал в своем долгом "сне", и это возмужание готовило Его к той части подготовки возобновления Шестого Дня Творения, которую мы назвали "Иисусовой подготовкой". Это существо мужало точно так же, как мужают все мальчики, становясь отроками, а потом юношами, поэтому углубляться в описание этого процесса евангелисты не сочли нужным. Это не упущение с их стороны, а проявление мудрости, до которой и нам следует подняться. Осознание космического статуса Богочеловека упраздняет любопытство в отношении бытовых подробностей Его плотского существования.

Гораздо интереснее поговорить об ангельской и пророческой подготовке, которая в то время, когда Иисус вот-вот должен был явиться к человечеству, вошла в свою решающую стадию. Впрочем, вклады в эту подготовку ангелов и пророков трудно отграничить друг от друга, ибо многие пророки вразумлялись ангелами. Эта переплетенность нашла свое

отражение в иконографии: с давних времен на некоторых иконах Иоанна Крестителя изображают с крыльями, хотя их у него не было. Этим подчеркивается благовестническая суть его служения, обычно присущая служению ангелов. Основными пророками того периода, призванными "приготовить путь Господу и сделать прямыми стези Ему" (Лк. 3,4), были Симеон Богоприимец, Анна Пророчица и, конечно, Иоанн Предтеча. Они готовили народ ко встрече со Христом, а их самих готовили ангелы. Архангел Гавриил явился священнику Захарии и сообщил ему, что у него родится сын, который возрадует многих, ибо он будет велик перед Господом. Этот же архангел принес Марии благовест о предстоящем рождении от нее Сына Божия. Наконец, ангел Господень предстал во сне перед Иосифом и сказал ему: "Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого; родит же Сына и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их" (Мф. 1, 20–21).

Но выпрямляли стези грядущего Спасителя не только эти прославленные в веках лица. В этой работе участвовало множество анонимных тружеников, тоже вдохновляемых Святым Духом и ангелами. В Евангелии содержится бесспорное свидетельство того, что пророческо-ангельская подготовка имела гораздо более масштабный характер, чем принято думать. Как сообщает евангелист Матфей (Мф. 2, 1-12), первыми людьми, которые пришли поклониться только что родившемуся Иисусу, были не иудеи, а "волхвы с востока". Это очень важная информация, требующая пересмотреть распространенный взгляд на Богоявление. Согласно этому взгляду, Сын Божий сошел на землю для того, чтобы спасти лишь избранный народ, как спасал его, скажем, пророк Илия, а до остальных Ему не было дела. И только когда евреи не приняли Его и предали смерти, апостолам пришлось понести Его учение в другие страны. Это обосновывается фразой, которую Иисус обратил к просившей исцелить ее дочь хананеянке: "нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам" (Мф. 15, 26). Но достаточно вчитаться в текст внимательнее, чтобы стало ясно: этими словами, произнесенными так, чтобы все их слышали, Иисус спровоцировал женщину на то, чтобы она продемонстрировала перед иудеями свою горячую веру, о которой Сам Он, конечно, знал, и тем самым как бы упрекнуть их: смотрите, даже чужие признают Меня Богом, а вы все еще сомневаетесь! Да и вообще, разве не нелепо предположить, что Он стал Спасителем для всех народов просто по случайности: думал спасти только евреев, но дело обернулось непредвиденным образом, и программа спасения сама собой распространилась на иноплеменников. Разумеется, Иисус с самого начала знал, что "свои" Его отвергнут и распнут, но именно в принятии крестной смерти и состоял главный секрет спасения. Икона Воскресения выражает это наглядным образом: воскресший Иисус вызволяет из ада Адама и Еву, которые не были евреями, ибо еврейский народ начался с Авраама. О всемирности миссии Иисуса знал не только Он Сам, но и Его креститель и предтеча Иоанн, в чем не оставляет сомнения следующее евангельское

место: "Иоанн приходившему креститься от него народу говорил: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму". И далее самое важное: "Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь" (Лк. 3, 7–9).

Но о великой миссии Христа возникли и слухи и предчувствия, которыми в то время буквально земля полнилась. Напряженное ожидание Спасителя было разлито на рубеже новой эры по всей огромной территории к востоку от Палестины, и поэтому вполне закономерно, что Евангельские волхвы пришли именно оттуда. Хотя их называют "волхвами", это были чистой воды христианские пророки, точно такие же, как Иоанн Предтеча, как и он, руководимые Святым Духом. Это ясно из того, что они принесли в дар грудному младенцу золото, ладан и смирну (по-нашему, миро) — вещества, имевшие большую рыночную ценность, которые можно продать в любой стране. Задумывались ли вы, зачем они сделали это? Если еще не догадались, попробуйте ответить на другой вопрос: на что жили Иосиф с Марией и Младенцем в Египте, куда им пришлось бежать ночью, взяв только самое необходимое, если они и дома-то в Назарете были небогатыми? Конечно, на "дары волхвов". Так кем же, как, не Святым Духом, было им подсказано принести именно такие дары?

Современный татский поэт и фольклорист Иван Кукулло собрал огромный топонимический материал, доказывающий, что Восток действительно весь был в ожидании Мессии: это запечатлелось в названиях сел и городов. Сирия, Антиохия, Каппадокия, Ликия, Египет, Эфиопия, Великая Армения, Грузия, Кахетия и другие тамошние земли были порохом, в который нужно было только бросить искру, и когда эта искра была туда брошена, они дали Богу благоухающие плоды великой святости.

Ждали не только люди. В захолустном городке захолустной провинции Римской империи рос Мальчик, ничем не отличавшийся от Своих сверстников, но призванный решить судьбу Вселенной, и Вселенная с триллионами своих галактик замерла в ожидании. На космических часах до этого решения оставались доли секунды.

3. Испытание избранных

С описанным в трех Евангелиях эпизодом посылки Иисусом двенадцати и затем семидесяти учеников на проповедь не все обстоит так просто, как может показаться с первого взгляда.

Впрочем, так обстоит дело почти с любым евангельским фрагментом: в нем мы находим первый, поверхностный, план, затем второй, более глубокий, а часто ощущаем еще и третий, который воспринимается нашим ограниченным сознанием, как таинственный намек.

Простым этот эпизод выглядит, в сущности, только в одном месте: "И

ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало: и так молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою.

И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь" (Мф. 9, 35;10, 1).

Тут действительно все ясно. Однако чуть дальше Матфей приводит слова Иисуса, которые уничтожают эту ясность и заставляют крепко задуматься: "На путь к язычникам не ходите, и в города самарянские не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева" (Мф. 10, 5).

Озадачивает здесь тот же самый момент, который приводит в удивление и смущение всех, впервые читающих Евангелие, в рассказе о хананеянке. Вот он:

"И вот женщина хананеянка (по версии Марка, язычница-сирофиникийка), выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется... Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи, помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему" (Мф. 15, 22–28).

И там, и там Христос явно проявляет еврейский национализм, даже шовинизм. Он заботится только о спасении израильтян, а до других людей ему нет никакого дела. Но может ли это быть? Ведь Иисус Христос есть Бог, Второе Лицо Пресвятой Троицы, Тот, о Ком в символе веры сказано: "Им же вся быша, т. е. такой же Творец всего, как и единосущный Ему Бог-Отец. Как же Он мог быть безразличным к основной массе человечества, которое является Его собственным творением? Конечно же, не мог, да и не был безразличным, как свидетельствуют о том многочисленные другие места Евангелия. Некоторые из них говорят даже о большем: что Христос явился как раз не к иудеям, богоотступничество которых прозревал, а ради остальных народов. Об этом пророчески предвещал еще Иоанн Креститель: "сотворите же достойным плод покаяния и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь" (Мф. 3,7-10).

Из этого пророчества видно, что отнятие избранности у генетических потомков Авраама, то есть у евреев, было тогда уже решенным делом, секира была приготовлена. Иисус косвенно и Сам говорил об этом, указывая, что молодое вино не вливают в ветхие мехи (Мк. 2,22). Под молодым вином

имеется в виду Новый Завет, а под ветхими мехами — закосневшее в начетничестве иудейское священство. Иисус также учил по-новому понимать слово "ближний", разъясняя его значение в притче о добром самарянине, позаботившемся об избитом и ограбленном иудее, мимо которого равнодушно проехали два его соотечественника. Именно этот человек, проявивший к иудею любовь, и есть его ближний, хотя он иноплеменник. В другом месте эта же идея выражена еще резче: "Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать" (Мф. 12, 50). Этой формулой Христос как бы отменяет биологическое родство перед лицом духовного, а значит, отменяет и графу "национальность", ибо национальность есть родство некоторому общему предку вроде Авраама.

Разумеется, Сын Божий принял на Себя человеческую плоть и ходил среди нас не из-за одних лишь евреев, а чтобы спасти всех тех, кто захочет спастись и проявит волю к спасению, к какому бы роду они не принадлежали. Более того, Он знал, что похваляющийся своим происхождением от Авраама еврейский народ за малым исключением не откликнется на Его проповедь, а потом будет кричать "распни Его, распни!". Об этом Он говорил Своим ученикам задолго до Голгофы (Мк. 8,31). Было Ему известно и то, что после Его возвращения к Отцу Его учение начнет распространяться главным образом среди других народов — ведь так оно потом и произошло, а будущее открыто Богу так же отчетливо, как и прошедшее. Зачем же Он наказывал двенадцати и семидесяти не ходить к язычникам и отозвался о них, как о "псах"?

Как ни покажется это парадоксально. Он сделал это для того, чтобы дело христианизации народов мира, ради которого Он пришел в мир, все-таки осуществилось, несмотря на выпадение из него евреев, которые намечались для выполнения очень важной функции. Чтобы логика стала тут понятной, надо уяснить, в чем состояла эта функция. Это очень существенный момент и в то же время наименее понимаемый. Это вопрос о богоизбранности евреев, по поводу которого в умах царит такая неразбериха, какой нет, наверное, ни в одном другом богословском вопросе.

Сейчас вы убедитесь в этом сами. Ответьте: в чем состоит первая заповедь из тех десяти, что Моисей получил на Синае? Подумайте хорошенько, не торопитесь с формулировкой. Вспомнили? Давайте сравним ваш ответ с тем, который дает подавляющее большинство опрошенных. "Да не будет у вас других богов, кроме Меня" — вот в чем, по их мнению состоит первая заповедь, они так ее запомнили. Другого ответа мне не приходилось слышать даже от специалистов по Ветхому Завету. А на самом деле она звучит так: "Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли египетской из дома рабства; да не будет у тебя других богов" (Исх. 20, 2–3). Тут все повернуто совсем по-другому! Напоминание об избавлении от рабства чрезвычайно важно, оно есть ключ к пониманию всего остального, но как раз его-то и пропускают мимо ушей.

В чем же его смысл? Этим вступлением Господь подчеркивает, что Он

оказал еврейскому племени великое благодеяние, о котором этому племени надо постоянно помнить. Это не мелочный попрек, не запоздалое сожаление о добром поступке — на божественном уровне таких вещей быть не может, — а разговор об авансе, который нужно отработать, ибо долг платежом красен. Когда евреи прозябали в плену, они ничем не отличались от других народов, кроме самого факта своего пленения; не были лучше, умнее, благочестивее их, но в отличие от них им было очень плохо, они попали в беду. Это был не внутренний, а внешний признак, но Богу было угодно использовать его в Своем Домостроительстве. Население Римской Империи и прилегающих к ней стран в тот исторический момент созрело для принятия идеи единого Бога, Творца и Вседержителя, которая, в свою очередь, подготавливала будущее усвоение полноты истины, имевшей прийти к людям с христианством. Но чтобы идея давала всходы, необходим ее сеятель, и таким сеятелем должен быть какой-то конкретный народ, который первым усвоил ее и адаптировал к своему коллективному сознанию. Для усвоения и для проповеди усвоенного нужен энтузиазм, желание послужить Богу словом и делом, а это проявляется не само собой, а лишь в силу каких-то обстоятельств. Одним из таких обстоятельств может стать благодарность Богу за оказанную Им милость, желание за нее чем-то отплатить. И Господь сделал для евреев то, за что нужно благодарить и искать случая отплачивать — избавил их от рабства. Это было непросто, понадобились чудеса и знамения — десять "египетских казней", вразумлявших фараона, отлив в Красном море, пропустивший беглецов, прилив, потопивший преследователей, выпадение небесной манны голодающему народу и другие. Божья помощь еврейскому племени была настолько явной и настолько обильной, что нельзя было не видеть, что это — избранный народ. Как же надо понимать это избраннычество? В том, и только в том смысле, что на этот народ была возложена миссионерская работа, которую он обязан был выполнить, возвращая тем самым свой долг.

Представьте себе, что в некоторой общине, состоящей из людей, разных по своим природным качествам, возникла нужда в священнике, и когда один из членов общины упал в яму, Бог чудесным образом вытащил его оттуда и заключил после этого с ним договор: за это ты станешь священником. Я тебе помог, теперь ты помоги Мне просвещать других. Точно то же и здесь, аналогия тут полная. Договор, определяющий отработку оказанной в кредит услуги, был заключен со всей торжественностью, записан на скрижали и хранился в специально сооруженной скинии. Поскольку после земной жизни Христа, Его крестной смерти, славного Воскресения и сошествия в день Пятидесятницы Святого Духа, знаменующего появление Православной Церкви, взаимные обязательства Бога и человека несколько изменились, этот договор стал называться "Ветхим Заветом", т. е. "старым договором", и ввиду его огромного значения вся первая часть Библии, где имеется его изложение, стала называться его именем. Он начинается уже известными нам словами об избавлении евреев от рабства, подробно устанавливает, как спасенный народ

должен себя вести, а после этого формулирует пункт об избранничестве: "Если будешь слушать гласа Моего, и будешь исполнять все, что Я скажу тебе, и сохранишь завет Мой, то вы будете у Меня народом избранным из всех племен, ибо вся земля Моя; вы будете у меня царственным священством" (Исх. 23, 22). В Этой фразе избранность трактуется в сильном смысле — как элитарность и аристократизм, — но эта трактовка дается в рамках условного высказывания, начинающегося со слова "если". Теперь мы знаем, что еврейский народ не выполнил оговоренного здесь условия, и так как этим упразднилось "если", упразднилось и "то", — он не стал народом-элитой и народом-аристократом. Его избранность исторически ограничилась лишь призванностью к исполнению особой миссии, но не перешла в царственность, увенчивающую ее исполнение. Это произошло потому, что предварительную, условную избранность он посчитал окончательной и безусловной, обязанности перепутал с правами, временную ссуду принял за законную награду. Если говорить кратко, это было падение, и оно перечеркнуло все хорошее и полезное, что евреи, несомненно, сделали для религиозного просвещения соседей. Ведь если священник отслужит литургию не полностью, выпустив из нее по своему усмотрению некоторые части, то пусть это выпущенное составит лишь одну десятую, его все равно предадут анафеме и извергнут из сана. Пусть избранный народ недоделал не так уж и много, но из-за этого Господу все равно пришлось менять первоначальный план Домостроительства. Может быть, евреям лучше было бы вообще не начинать свою миссию, чем не довести ее до конца — в этом случае коррективы были бы внесены раньше, а значит, были бы менее болезненными...

А когда все зашло так далеко, избежать боли не удалось: на этой стадии нарыв должен был уже прорваться. Слишком долго и сами евреи, и многие неевреи были убеждены, что свет миру может исходить только от Авраамова семени, слишком многие великие пророки вещали об этом. Надо учесть, что из поколения в поколение евреи воспитывались в ощущении своей исключительности и в убеждении, что грядущий Мессия явится только для того, чтобы окончательно узаконить эту исключительность и возвеличить их род выше, чем царь Соломон, — и тогда станет ясно: Иисус никак не мог публично заявить, что пришел не к одним евреям, а ко всему человечеству. Это было бы воспринято, как глупая шутка или наглый вызов, и уничтожило бы всякое доверие ко всему, что Он потом ни говорил бы. После таких слов Его или сразу убили бы, и эта преждевременная жертва была бы напрасной, либо просто перестали бы Его слушать. Переориентировать программу нашего спасения на запасной вариант, где евреи были уже не нужны, можно было лишь постепенно, дождавшись момента, когда обнаружится, что идеология своей исключительности заводит иудеев в тупик и что люди, принадлежащие к другим нациям, вполне способны познать истинного Бога без посреднической помощи избранного народа. Чтобы поразивший евреев грех гордыни стал очевидным, гордыня должна была дойти у них до абсурда,

до презрения к другим людям, как к скоту с человеческим обликом, и Иисус как бы нарочно разжигал ее в них, ускоряя этим развитие болезни. В драматургии это называется катарсисом, а в медицине — разрешением кризиса путем его обострения. Когда сумасшедший уверяет окружающих, что он — индийский раджа, опытный психиатр не разубеждает его в этом, а говорит: конечно, вы раджа, поэтому садитесь на слона и отправляйтесь охотиться на тигров. Это поддакивание сразу обескураживает больного, так как слона-то у него все-таки нет, и в его воспаленном мозгу может шевельнуться насчет раджи сомнение. Именно так вел Себя Иисус с утратившими способность к здоровой самооценке иудеями — ведь Он вполне мог смотреть на них как на Своих пациентов. — Вы считаете остальных людей псами? Вы правы, они на самом деле псы. Например, эта хананеянка. Пристала как банный лист: вылечи да вылечи мою дочь. Как Я поставил ее на место, вы сами слышали. Но вот ее ответ нас всех удивил, это тоже правда. Даже у евреев редко найдешь такую веру, какую проявила эта чужестранка. Вот вам и язычники.

С этой же целью — показать глубину нравственного падения евреев — Иисус подчеркивал, что явился в качестве их Мессии, что Он пришел к своим (Ин. 1, 11). Если бы иудеи убили чужака, в этом не было бы ничего особенного, но распять Того, Кто предречен в их же священных книгах, — это уже тот самый катарсис, после которого весь порядок вещи начинает идти по-другому. Как раз поэтому, посылая учеников на проповедь, Он заповедовал им навещать только "своих". Их миссионерская деятельность получила широкую известность, обсуждалась в народе, и Иисус не должен был дать иудеям ни малейшей легитимной зацепки для Его осуждения как еретика, не оставить им никакого шанса на оправдание после Голгофы — их преступление должно было выглядеть так, чем оно было: чистым богоубийством, ставящим все на свои места. Таким оно и осталось в истории.

Но это была лишь часть дела. Послав апостолов на проповедь и повелев им входить только в дома евреев, Иисус преследовал и более важную цель. Ему было необходимо не только довести до логического конца вопрос о прежних избранниках, но и успеть подготовить новых избранников. Ими и стали апостолы, которым предстояло великое сеяние и великая жатва. "И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были" (Мк. 3, 13). И снова, как и в первом избранничестве, личные заслуги не играли тут никакой роли, и все решала неподотчетная людям Божья воля. "Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод" (Ин. 15, 16), — сказал им Иисус, и в этой фразе прозвучало то же самое напоминание об авансе, какое звучало в других словах, обращенных к другим людям: "Я Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства". Это напоминание тоже обязывало трудиться. Но труд апостолов был в то время еще далеко впереди, это не была та местная проповедь, о которой идет у нас речь. Она была не сказкой, а присказкой, не службой, а службишкой. Просвещать "погибших овец дома израилева" Христу было, по

существо, не нужно, так как Он знал о безнадежности этого предприятия. Но Ему было очень нужно, чтобы в его безнадежности убедились на своем опыте апостолы, поскольку с этого должна была начаться их коренная психологическая перестройка, результатом которой станет их вселенская проповедь. Потому Он и сказал им: "посылаю вас как агнцев среди волков" (Лк. 10, 3) и подробно объяснил, что им следует сделать, если их не будут принимать. И даже намекнул, что сама по себе проповедь в среде иудеев особого значения не имеет. Этот намек содержится в словах: "однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (Лк. 10, 20).

Возвращаясь мыслью к тому времени, когда совсем еще наивные и необстрелянные ученики Иисусовы вышли на свою первую пробную проповедь в доме иудеев, и мы повторим: радуйтесь! Всем вам, кроме Иоанна Богослова, предстоит мученическая смерть, но радуйтесь, ибо на вас будет основана Святая Церковь и ваши глаголы пойдут во все концы мира, чтобы в нем установился новый порядок вещей.

4. "Встал Иисус на месте равнем..."

Даже если ты стоишь в храме не в молитвенном настроении и служба оставляет тебя равнодушным, а мысли так и норовят убежать к мирским делам, эти торжественные слова мгновенно возвращают тебя к тому возвышенному предмету, который является содержанием богослужения и ради которого ты и пришел в церковь. Они настораживают тебя, как раскат дальнего грома, возвещающий, что время беспечности кончилось и надо стать собранным и серьезным.

Это — Евангелие от Луки. А Матфей говорит иначе: "Он взошел на гору". Так как же все-таки это происходило? С горы обращал Иисус к ученикам Свои слова или с плоской равнины? Кто прав — Лука или Матфей?

Если говорить о материальном аспекте происходящего, прав Лука. Этот аспект он передает лучше других евангелистов, поэтому его и называют бытописателем. Да и по логике нет резона залезать в данном случае на гору: народ, стоящий внизу, ничего не услышит. Но тогда получается, что и само название этого обращения — "Нагорная проповедь" — ошибочно, и точнее было бы назвать его как-то иначе, например, "Долинная проповедь".

Нег, Матфей не ошибается, просто он берет другой аспект, и этот аспект важнее.

У Христа два естества — божественное и человеческое и то свершение, которое мы называем Нагорной проповедью, включало в себя активность обоих. Апостол Лука описывает в основном активность человеческого естества, он рассказывает нам, как Бог-Слово, соединенный с человеческим телом и ставший Богочеловеком, в определенный момент времени и в определенном месте пространства отверз уста и стал говорить собравшимся вокруг него конкретным людям то-то и то-то. Этот момент времени выпал на

тридцатые годы новой эры, а место находилось на севере Палестины, в Галилее, и оно было ровным. Матфей же доносит до нас смысл и содержание активности божественного естества, и хотя он тоже фиксирует некоторые моменты, привязанные к пространству и времени, его повествование есть по преимуществу отзвук космического, а еще вернее, космообразующего акта, осуществленного соединенным с Богом-Отцом и Святым Духом в Пресвятую Троицу Богом-Сыном, продолжившим этим начатое Отцом сотворение мира. И разумеется, этот акт совершался там, где пребывает Троица и где нет ни пространства, ни времени. Но почему же тогда "Он взошел на гору" — разве там есть горы?. Нам станет это понятно после того, как мы уясним суть Нагорной проповеди как продолжение мирозидания.

Начнем с самого начала: с вопроса о том, зачем Бог сотворил материальную Вселенную. Но вправе ли мы подступить к Творцу с таким "зачем" — ведь Он никому не подотчетен, и пути Его неисповедимы. Конечно, полный смысл творения человеческое разумение вместить не может, но предполагать наличие в нем какого-то смысла мы имеем основания, ибо в ином случае оно было бы бессмысленным, а это несовместимо с нашим понятием о Боге как о совершенном существе. И этот постигаемый нами и животворящий нас при нашем его постижении смысл выражается богословским термином "Домостроительство". Он взят из Библии, из Соломоновых притчей, где сказано: "Премудрость построила Себе дом" (Пр. 9, 1). Что надо понимать здесь под "Премудростью? Чтобы ответить на этот вопрос, Ветхого завета уже недостаточно: содержащаяся в нем истина облечена в завуалированную, прикровенную форму и раскрывается явно лишь в Новом Завете. Это — общее правило, которое прямо относится и к нашему случаю. Продолжим чтение Ветхого Завета: "Премудрость заколола жертву, растворила вино Свое и приготовила у Себя трапезу; послала слуг Своих провозгласить с возвышенностей городских: кто неразумен, обратись сюда" (Пр. 9, 4). А теперь сопоставим это с евангельским текстом: "Царство Небесное подобно человеку-царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели идти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот я приготовил обед мой, тельцы мои и то, что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир" (Мф. 22,4). Ясно, что речь идет об одном и том же, но евангелист произносит те слова, которые рано было произнести Соломону и которые сразу ставят все на места: "Царство Небесное". Раскрыт им и второй важнейший момент: Премудрость, которая в притчах выступала одним лицом, в Евангелии расщепляется на два лица — царя и его сына. В прикровенном варианте Она строила дом Себе, в евангельском откровении в рамках той же Премудрости Отец строит дом Сыну. И это расщепление очень важно. Не будь Сына, Отец не возводил бы никаких палат, ибо они нужны для сыновнего пира. Так притча, приведенная Матфеем, дает нам ключ к расшифровке ветхозаветной фразы: "Премудрость построила Себе дом". Слово "построила" относится к Богу-Отцу, к Первому

Лицу Троицы, а слово "Себе" относится к Богу-Сыну, Второму Лицу Троицы. И что самое замечательное, умолчав об этих существенных, вещах, которые тогда преждевременно было обсуждать, Соломон все же не сделал логической ошибки в своей фразе: ведь Отец и Сын — одно, поэтому то, что Отец строит дом Сыну, не противоречит высказыванию: "Премудрость строит Себе". Ведь Премудрость — это Троица, взятая как единое.

Такое толкование библейского термина "Премудрость" настолько очевидно, оно с такой неизбежностью вытекает из сличения параллельных мест Священного Писания, что только диву даешься, как могли в начале нашего столетия вестись на эту тему жаркие споры и как могла привлечь серьезное внимание софическая ересь — учение о том, что Премудрость есть не то "вечная женственность", не то Дева Мария. Таких трактовок не допускает не только элементарная экзегетика, но и элементарная логика. "Пре-мудрость" — это "предельная мудрость", выше которой нет, а такой высочайшей мудростью может выступать исключительно соединенная мудрость всех трех Лиц Троицы, и ничто меньшее. А уж приписывать ее смертному, хотя и святому, существу, каким была Богородица, и абсурдно, и кощунственно.

Для кого же готовится пиршество в построенных Отцом палатах, кто в них усядется? Разумеется, те, кто угоден Сыну — они же приглашаются туда для Него, они должны стать Его друзьями. А кто Ему угоден, может решать только Он Сам — это уже вопрос не Троицы в целом, а Ее Второго Лица, как единства двух естеств. Но прежде, чем приглашать их к Сыну, нужно, во-первых, иметь их самих, а во-вторых, иметь, куда их приглашать. Чтобы появились Христовы угодники, нужно было сотворить видимый мир, населенный людьми из плоти, которые, побеждая плоть, могли бы совершать духовное восхождение к святости. Чтобы было, куда их приглашать, нужно было сотворить невидимый мир, в котором можно разместить Сыновнее Царство. И о том, и о другом заранее позаботился Бог-Отец, названный поэтому в Символе веры "Творцом видимых и невидимых". О сотворении невидимого, или ангельского, мира Священное Писание умалчивает, так что тут мы стоим перед тайной, которая раскроется для нашей души лишь после того, как она расстанется с телом. Зато процесс создания "видимых", т. е. материальной Вселенной, хорошо отражен в Библии. Его первый этап описан в Книге Бытия, где он подразделяется на шесть последовательных стадий, именуемых "днями". Данные современной науки неожиданно подтвердили библейскую схему, еще недавно казавшуюся образованному человеку фантастической, и наполнили ее конкретным содержанием. Принимая во внимание это уточнение, сегодня можно в самом общем виде изложить Шестоднев так.

Первый день. Создание "физического вакуума" пространства и времени с их взаимосвязанной метрикой, а также "законов природы", относящихся к материи, которой пока еще нет ("Земля была безвидной и пустой". Под "землей" здесь имеется в виду не планета Земля, которая появится позже и

будет названа "сушей", а материальная Вселенная.) Вакуум начинает стремительно расширяться (количественные характеристики этого расширения дает "инфляционная модель" современной научной космогонии), и через мгновение в него вводится смесь вещества с антивеществом с чуть заметным перевесом в пользу вещества. Войдя в соприкосновение, равные доли вещества и антивещества аннигилируют, превращаясь в фотоны, а остаток вещества остается темной материей ("И отделил Бог свет от тьмы"). Замечательно, что астрономия не так давно обнаружила так называемое "реликтовое излучение", которое удалось идентифицировать с "первородными фотонами", носящимися в космическом пространстве с самого момента "Большого взрыва", т. е. более десяти миллиардов лет.

Второй день. Переход через миллион лет после Большого взрыва гелиево-водородной плазмы в соответствующую смесь газов. Если бы во Вселенной присутствовал тогда наблюдатель, он увидел бы ее изменившейся. Плазма была непрозрачной, так что небо было черным, газ же прозрачен, так что взору открылся бы небесный свод ("И создал Бог твердь. И назвал Бог твердь небом").

Третий день. Создание через семь миллиардов лет на планете Земля, где сформировались для этого температурные и влажностные условия, живых организмов. Они были одноклеточными, не нуждающимися в кислороде (анаэробами) и предельно простыми, но уже имели в себе весь аппарат синтеза белков на рибосомах под управлением нуклеиновых кислот ("И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и подобию ее"). Они образовали популяцию однородного типа, без иерархии, но по общей массе такую же огромную, как нынешняя (закон постоянства биомассы, сформулированный Вернадским и недавно подтвержденный геохимиками). Этот пер вы и биоценоз постепенно начал изменять химический состав атмосферы.

Четвертый день. Уменьшение в земной атмосфере количества водяных паров до того уровня, когда, обложенное таким же густым туманом, как сейчас на Венере, наше небо стало прозрачным и ночами на нем стали видны луна и звезды и днем — солнце ("И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной").

Пятый день. Создание после достаточной наработки анаэробами кислорода второго биоценоза_ уже пирамидального типа, с многоклеточными организмами, связанными друг с другом взаимной зависимостью, и с динозаврами на вершине ("И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею по тверди небесной").

Шестой день. Создание третьего биоценоза, или второй пирамиды видов с человеком на вершине ("И сказал Бог: да произведет земля скотов, гадов и зверей... Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями"). Сотворением Адама и Евы первый этап Домостроительства был

завершен.

Дальнейшие его этапы получились как бы незапланированными — их не было бы, если бы не грехопадение первых людей. Эти двое были замыслены как венец творения, как те самые званые, которых Сын усадит рядом с Собой за пиршественный стол. Они должны были стать совершенными, как совершенен Отец их небесный и соединить в себе все виды святости (в этом и состоит подобие Богу). Но поскольку совершенное существо не может не быть свободным, наши предки были наделены свободой и, к сожалению, дурно ею распорядились. Этот дурной выбор никак не мог быть предотвращен Богом, так что в данном случае Он создал камень, который Сам не мог поднять. Разумеется, Бог знал о возможности того, что наделенное Им свободой существо может обратить свою волю против Него, но это был неизбежный "Божественный риск". И случилось худшее: прародители возмечтали стать не гостями, а хозяевами пира, поддались соблазну "стать как боги" и, переступив запрет, отрезали себе путь в Царство Небесное.

Однако Бог поругаем не бывает. Как говорят в народе, Он "камень не поднимет, а землю опустит" — все равно достигнет Своего, пусть не теми средствами. Потерпев неудачу с Адамом и Евой, Он поставил на их место последовательность сменяющих друг друга поколений, наполнивших собою поток исторического времени. Теперь задача была поставлена по-другому: исправлять и совершенствовать испорченное первородным грехом человечество, подготавливая его к принятию истины и восстановлению Божьего подобия, и когда это осуществится, набирать полноту святости из разбросанных во времени и пространстве ее элементов. Друзьями Сына должны были теперь стать не два совершенных человека, а целый сонм святых разных эпох и разных стран, в совокупности эквивалентный этим несостоявшимся двум. Сотворение истории было вторым этапом Домостроительства. В богословии высказывается мнение, что, когда будет набрано нужное количество святых, история кончится — "небо свернется, как свиток", и время исчезнет.

Третий этап обозначили данные Богом избранному народу Десять заповедей. Он был подготовлен к их принятию многими чудесами, с помощью которых избавился от египетского рабства. Избранничество же его состояло в том, что он должен был стать как бы народом-священником, через которого остальные племена познали бы истинного Бога. Эта идея и определила содержание "Синайского законодательства": первые четыре заповеди, напоминая евреям о том, что они обязаны своим освобождением Божьей милости, учат, как нужно относиться к Богу и Творцу своему, чтобы выполнять миссию религиозного просветительства. Вначале эта миссия хорошо осознавалась избранным народом, но потом он повторил то, что сделали Адам и Ева — забыл о Боге и стал поклоняться идолам. И тут Богу снова пришлось "опускать землю" — отыскивать еще одно средство продолжить Домостроительство. На этот раз таким средством был приход на

землю в человеческой плоти Второго Лица Троицы с целью заключить новый договор с людьми. Договор по-славянски "завет", поэтому он вошел в наш язык под именем "Нового завета", в отличие от "Ветхого завета", т. е. от "старого договора" (моисеевского). Сам тот факт, что две части Священного Писания озаглавлены по этим договорам, подчёркивает их громадную историческую и антропологическую важность.

Условия первого договора были возглашены на Синайской горе, условия второго — на галилейской равнине, но поскольку это были события одного порядка, то в глазах евангелиста Матфея, более чуткого к ноуменальной стороне вещей, чем к феноменальной, эта равнина тоже превратилась в гору. Так мы получаем ответ на наш вопрос: почему обращение Иисуса к народу называется "Нагорной проповедью", хотя оно имело место на плоскости. Эта проповедь потому "Нагорная", что земля, с которой она прозвучала, имела смысловое значение Синайской горы.

С Нагорной проповеди начался четвертый этап Домостроительства, связанный с земной жизнью Христа. Вся предварительная работа была проделана Отцом: небесные палаты для пира готовы, земные люди настолько подготовлены и просвещены, что при желании смогут не только понять, но и выполнить условия допуска на торжество. Теперь слово предоставляется Сыну, Который и должен сформулировать эти условия.

Однако при всем родстве Десяти заповедей и Нагорной проповеди, на которое постоянно указывали Сам Иисус (например: "Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить"), между ними имеется и различие. На Синае Бог-Отец дал закон в юридическом понимании этого термина — свод правил поведения, обращенный к конкретному народу, который этот кодекс был обязан выполнять. В Галилее Бог-Сын обнародовал закон в том значении этого слова, какое мы имеем в виду, когда говорим о "законах природы". Нагорная проповедь есть не вполне проповедь, так как ее главная часть, Заповеди блаженства, вообще не есть заповеди. Они состоят из девяти утверждений, имеющих одну и ту же форму: "Блаженны такие-то, потому что то-то". Это "то-то" во всех утверждениях фактически одинаково: "Они войдут в Царство Небесное". В семи случаях именно это и сказано, а в двух говорится о том, как там будет хорошо. Но тут нет никакого призыва, никакой агитации. Иисус не заставляет слушателей стать "такими-то", не уговаривает их, ничего не "проповедует", а просто констатирует наличие определенной причинно-следственной связи между духовным обликом человека, выработанным им в земной жизни, и его посмертной судьбой. Короче, он описывает самый важный для людей аспект мироустройства, который есть, по сути, закон такого же типа, как "закон Ома" или "правило буравчика". Христос как бы говорит собравшимся: "Я не оказываю на вас никакого давления, вы не обязаны быть "такими-то", последнее слово остается за вами, но я предупреждаю вас о последствиях выбора, чтобы вы потом не ссылались на незнание". И в этом смысле Нагорная проповедь ближе не к Синайскому

откровению, а к другому эпизоду творения — к тому моменту, когда материи по Вселенной еще не было, но физический вакуум был уже создан, и в него были вложены законы поведения будущей материи. Среди них имелся, например, такой закон: "Если в магнитное поле влетит заряженная частица, она будет двигаться по окружности, а если незаряженная, то по прямой". Вскоре и поля, и частицы появились реально, и все так и стало происходить. То же и с Нагорной проповедью. Небесное Царство уже создано, но оно еще пусто. Первый его насельник, благоразумный разбойник, появится в нем лишь через три года, а законы, относящиеся к этому "вакууму", уже установлены Богом-Сыном, и в "Заповедях блаженства" они доносятся до наших ушей. Не удивительно, что мы воспринимаем их как падающие откуда-то сверху, из космоса — это и вправду космические законы. В чем же их существо? Кто эти блаженные "такие-то"? Их признаки можно разделить на три группы. Первая группа: нищие духом, плачущие и кроткие. "Нищие духом" — это не "малодушные", слово "нищие" здесь понимается не как "бедные", а как "попрошайки", как те, кто стоят с протянутой рукой. "Плачущие" — это те, кто чувствуют себя обделенными судьбой или обиженными людьми, но не бунтуют, не отвечают ударом на удар, а избавляют свою боль в тихих рыданиях. Таковы же и "кроткие". Значит, блаженные этой группы могут быть объединены одним общим признаком — смирение.

Вторая группа: стремящиеся к правде, милостивые к ближним и чистые сердцем. "Милостивые" — это те, кто прощают, не обращают внимание на нанесенный им ущерб, проявляют снисхождение к слабостям человеческим. Такими бывают люди, занятые мыслями не о земном, а о небесном. Но в этом случае не только мысли, но и сердца их будут возвышенными, то есть чистыми. Так что все три признака этой группы тоже сводятся к одному, который можно выразить словами Литургии: "Горе имеем сердца".

Третья группа — миротворцы, изгнанные за правду и оклеветанные за нее же... Это — Божьи работники, не прерывающие своего тяжелого труда даже в том случае, когда их гонят и преследуют.

Подводя же итог, можно сказать, что "блаженными", то есть теми, перед кем откроются двери пиршественных палат Сына, являются люди, которые осознают, что сами по себе они ничто и без помощи свыше пропадут, а поэтому стараются думать только о Боге, почитая все другое за сор, и завоевывают Его расположение и Его милость угодными Ему делами.

Вот как это просто. Как Шестоднев. Имеющий уши да слышит.

Перепугавшись в свое время гностицизма, некоторые богословы стали говорить: "Нас не интересует, как устроены Небеса, нас интересует, как на них попасть". Странная логика! Не зная, как они устроены, на них и не попадешь. Сам Бог объясняет нам их устройство в Нагорной проповеди, а Он ничего не делает напрасно. В отличие от частицы, человек сам решает, зарядиться ему или остаться нейтральным, а значит, и сам задает свою траекторию. И Бог открывает нам тайну о том, Какая из них ведет вверх, а

какая — вниз.

5. Чудеса Иисуса

Говорить о сущности чудес очень трудно. Наше греховное естество противится этому, не зная, во что это выльется, и опасаясь подвоха. Мы охотно употребляем слово, например, узнав о крупном поражении сильной футбольной команды от слабой, восклицаем: ну и чудеса! — но обсуждать эту тему серьезно и ответственно мы не склонны.

Впрочем, нет: бывает ситуация, когда мы начинаем относиться к чудесам очень даже серьезно " когда нам плохо. С каким горячим чувством мы шепчем в эти минуты: "Господи, только чудо может меня спасти, так сотвори же это чудо!" Но поскольку после этого чаще всего ничего не происходит, мы постепенно возвращаемся к своему обычному состоянию маловерия и скепсиса.

И все-таки надо заставить себя подумать над этим предметом. Ведь все чудеса так или иначе творятся для нас, и именно для того, чтобы нам не стало плохо.

Что такое чудо?

Сразу ясно, что резкой границы между чудесным и обыкновенным мы провести не в состоянии. Скажем, у каждого из нас была в жизни неожиданная встреча именно с тем человеком, который в данный момент был более всего необходим. До этого мы годами его не видели, потом он тоже куда-то исчез, а в "день икс" падал будто с неба и либо сообщал нам какие-то ключевые сведения, либо выводил на нужных людей, либо давал единственно верный совет. Что это — случайность или чудо?

Можно привести много и других примеров событий, которые одни назовут чудом, а другие совпадением, но не о них же нам судачить. Коли уж мы решили проанализировать категорию чуда со всей строгостью, нам следует вести речь только о том, что признается чудом всеми людьми, только о явных чудесах.

Что же должно произойти, чтобы все единодушно согласились: да, это несомненное чудо? Ответ прост: должно произойти то, чего не должно происходить, что противоречит нашим твердым и многократно проверенным представлениям о поведении материальных предметов.

Если я вложу в пишущую машинку два листа белой бумаги, проложенных копиркой, и напечатаю слово "природа", а на втором экземпляре отпечатается слово "прерода", это будет, конечно, стопроцентное чудо, которое приведет меня в ужас. Ведь согласно всему тому, что мы знаем о вещах, такого никак не должно быть. Это даже более великое чудо, чем тот улов святого Петра, когда его сети стали рваться от обилия рыбы. Тут все-таки можно предположить, что по каким-то реальным причинам к лодке

вдруг подошел косяк, а вот если литера ударяет по копирке в одних, точках, а краска отпечатывается в других, то рационального объяснения этому нет. Дело не в масштабе события, а в нашей абсолютной уверенности, что оно противоречит естественному порядку и идет против природы.

Так что о настоящем чуде надо говорить как о нарушении законов природы. Но здесь необходимо сделать добавление: эти законы должны быть нам доподлинно известны. Мало ли всяких домыслов называли "законами"? У марксистов был "закон" роста производительности труда при социализме, но тот факт, что она после победы социализма в любой стране падала раз в десять, не является, конечно, чудом. О каких же законах мы можем сказать, что они не вызывают сомнения? Думается, тут надо исключить не только социологию, но и биологию. Недавно в Польше родился котенок с крыльями — чудо это или мутация? Английский энтомолог обнаружил на бабочках начертания всех букв латинского алфавита — чудо это или неизвестный вид мимикрии? Нет, в этой области нам так мало известно, что ее не надо трогать. По-настоящему авторитетные для нас законы — только законы физики. С учетом этого обстоятельства и нужно уточнить наше определение. Чудо — это явление, противоречащее основным физическим законам.

Происходят ли чудеса?

Этот вопрос эквивалентен такому: случаются ли события, несовместимые с фундаментальными законами физики? Задав его таким образом, мы сразу получаем положительный ответ: да, случаются.

Один из самых фундаментальных законов физики — закон сохранения материи. Раньше его трактовали как закон сохранения массы (Лавуазье), теперь понимают как закон сохранения количества массы и энергии (Эйнштейн). В абсолютности этого закона не сомневается ни один ученый. И как раз он-то и нарушается у всех на глазах в известном с древних времен явлении "мироточения" икон. Оно состоит в том, что из некоторых икон, большей частью богородичных, в течение какого-то времени истекает благовонная жидкость, называемая в церкви "миро". Подобная же жидкость нередко истекает и из других священных предметов — например, мощей святых угодников, — но об этом можно не говорить, ибо достаточно всего одного опровергающего факта. За такой факт, можно принять существование мироточивой "Иверской Монреальской" иконы, явленной еще в 1982 году как бы специально для этого нашего разговора. Она принадлежит частному лицу, православному испанцу, живущему в Канаде, Иосифу Муньосу-Кортесу, и выделяет ароматную жидкость почти непрерывно уже почти пятнадцать лет. Прикидка показывает, что общая масса выделенного ею вещества превысила центнер. О какой-либо подстроенности тут и заикаться нечего: икона мироточит в любом месте, ее видели десятки тысяч людей, каждый может взять ее в руки и убедиться, что в ней нет никаких трубочек, миро давали на анализ химикам, и они не идентифицировали его ни с одним

известным парфюмерной промышленности соединением, истечение миро много раз заснято на фото- и киноплёнку. Так что это действительно можно считать фактом, и этот факт вопиюще противоречит закону сохранения материи, попирает его самым непочтительным образом. Миро течет, а масса доски не убывает, и притока энергии, которая могла бы перейти в новую массу, тоже нет, ибо ее должен подводить к доске какой-то материальный носитель.

Итак, уже одна Монреальская икона раз и навсегда отмечает утверждение, что чудес не существует.

Возможны ли научные исследования чудес?

Пытаясь спасти закон сохранения, можно предположить, что мироточивая икона перерабатывает в миро окружающий воздух, так что общая масса вселенной остается постоянной. Несмотря на искусственность такой гипотезы, ее, казалось бы, следовало проверить, тем более что это элементарно просто: нужно поместить икону на какое-то время в вакуум и посмотреть, будет ли она и там выделять жидкость. Такой эксперимент доступен не только любой лаборатории, но и многим частным лицам. Так, может, его стоило бы проделать, раз уж речь идет о таком важном предмете, как один из важнейших законов физики?

В принципе может это и стоило бы сделать, но реально такую проверку никто предпринимать не станет. Все люди делятся на тех, кто относится к религии с уважением, и тех в ком она вызывает неприязнь. Первые не будут ставить такой эксперимент по той причине, что это для них покажется кощунством, а вторые — из-за того, что в глубине души побоятся получить не устраивающий их результат.

Могут сказать: это относится к обычным людям, но ведь есть еще ученые, которые должны отметить подобные чувствования и проводить объективные исследования независимо от характера ожидаемых результатов. В таком возражении присутствует глубокое непонимание сути науки и психологии ученых. Настоящий ученый является как раз таким человеком, который ни при каких обстоятельствах не будет производить опыты с чудотворными объектами, независимо от своего личного отношения к религии и вере, ибо они для него так же неинтересны, как мясо для вегетарианца. Всякий человек, даже самый умный, существенно меньше мира, поэтому он не может вместить в себя все, его восприятие всегда ограничено и, чувствуя это, он выделяет своим сознанием из окружающего такой его фрагмент, который ему по силам переварить, а остальное считает несуществующим. Исключений из этого правила нет, и все разговоры о плюрализме — это только разговоры, что ярче всего подтверждается поведением идеологов плюрализма. Они не считают себя вправе запрещать открыто отправлять культ сатаны, но приняли закон о запрещении школьных молитв перед началом урока. Они позволяют преподавать в учебных

заведениях абсурдную дарвиновскую теорию происхождения человека от обезьяны, но увольняют тех учителей, которые аргументировано вскрывают ее абсурдность. Истинный плюрализм должен был бы означать и свободу осуждать плюрализм, а попробуйте-ка только против него выступить!

Нет, в человеке совсем нет пресловутой широты, о которой писал Достоевский. Вспомните, как мы смотрим приключенческие или детективные фильмы. У тех персонажей, которых режиссер подал нам как "хороших", даже малая царапина вызывает наше сочувствие, а остальных можно убивать сотнями, как мух, и в нас при этом ничего не дрогнет. На все нас решительно не хватает, поэтому в нас постоянно живет какая-то шкала ценностей, что-то отодвигающая на задний план, а что-то вообще выбрасывающая из рассмотрения. И ученые, разумеется, не исключение — они ведь тоже люди. Их специфическая шкала ценностей определяется философским материализмом — убеждением, что в мире существует только материя и законы ее движения и развития. Эта парадигма возникла много раньше самой науки и породила науку как свое любимое детище. Так науке ли на нее замахиваться? В рамках этой парадигмы ученый может проводить самые трудоемкие и дорогие исследования, но он и пальцем не шевельнет, чтобы проверять верность этой самой парадигмы, и ни один институт не отпустит на это ни цента. Конечно, как частное лицо он может верить в любую мистику и даже в Бога, но когда он действует от имени науки, как говорят католики "экс кафедра", ни во что, кроме как в материю и ее законы, он верить не имеет права.

Объективным основанием того, что в нашем мире возможны чудеса, является существование бок о бок с ним другого мира, обладающего другими свойствами. Всякое чудо есть какое-то вторжение сюда иноприродного бытия, при котором начинают происходить явления, соответствующие не здешней природе, а тамошней.

Сегодня, когда всюду широко применяются экстрасенсорные методы лечения и все большую популярность завоевывают разные техники медитации и трансцендирования, в существовании этого дополнительного мира и в возможности взаимодействия с ним нашего мира могут сомневаться разве лишь ученые, да и только тогда, когда они находятся при исполнении служебных обязанностей. Факты свидетельствуют о том, что это взаимодействие двухсторонне. Это можно подтвердить опять-таки на примере Иверской Монреальской иконы. очевидцы рассказывали, что когда она находилась в храме Сан-Франциско и к ней подошел старец высокой духовной жизни и запел "Достойно есть яко воистину", миро прямо-таки хлынуло из всех трех звездочек на одежде Богородицы и из ручки и ножки Младенца. Значит, призыв молитвенника прошел через грань, разделяющую два мира, в направлении "туда", а небесный ответ совершил такое же прохождение "оттуда". Однако, проницаемость этой грани весьма избирательна. Информация о том, что делается "там", сюда практически не доходит, и никто не может быть уверен, что всякая наша молитва достигает

неба.

Любое чудо есть прохождение "оттуда сюда", но не любое такое прохождение есть чудо. Как можно доказать логически, соотношения, которые мы называем "законами природы", не могут быть встроены в саму материю — они в ней не поместятся. Следовательно, они находятся в нематериальной области сущего, то есть "там". Однако это не мешает им управлять здешними предметами. Сама по себе Луна не может знать, на каком расстоянии от нее находится Земля и какова ее масса, но она искривляет свою траекторию в точном соответствии с этими параметрами, входящими в закон обратных квадратов. Выходит, ей делается подсказка "оттуда". В каком-то смысле это тоже чудо, но оно "поставлено на автомат", поэтому не стоит его так именовать. Ньютон когда-то очень ему удивился, но в дальнейшем люди привыкли к его регулярности и стали относиться к нему как к чему-то обычному. Настоящее чудо — это такое вторжение "сюда", которое при повторении той же самой материальной ситуации может не повториться. Оно выглядит так, будто порождается какой-то нездешней волей, не обязанной давать нам отчет и до конца нами не познаваемой. Ясно, что такая воля может принадлежать только личности. Чудо непредсказуемо по той же причине, по какой непредсказуемы для нас поступки другого человека, даже нашего близкого знакомого. Сто раз он может повести себя так, как мы ожидаем, а в сто первый иначе. А тут воля исходит от существа, совсем незнакомого и невидимого, поэтому расшифровывать ее — дело совершенно безнадежное.

Что же это за существо? Его можно "вычислить" по свойствам. Оно есть Личность, оно находится в ином мире, и оно обладает способностью отменять здешние законы поведения тел. Всем этим требованиям удовлетворяет только Творец вселенной: Он Личность, Он пребывает "на небесах", Он имеет право отменять законы природы, ибо Сам и предписал их природе. Ему не надо прилагать для этого усилий, достаточно просто появиться. Это тот же случай, что с правилами дорожного движения: их устанавливает ГАИ, и их выполнение строго обязательно, однако там, где в лице милиционера-регулирующего ГАИ появляется сама, эти, правила автоматически упраздняются.

Таким образом, первопричиной чуда, связанного с каким-либо материальным объектом, служит присутствие в этом объекте Бога. Ни один святой, ни даже сама Богородица не могут творить чудеса, один только Бог. Но как возможно Его вхождение в материальный объект, никто объяснить не сможет. Смысл фраз "Бог присутствует в иконе" или "Бог присутствует в этом храме" в своем полном объеме всегда будет непостижимым. Зато мы можем постигнуть, почему он непостижим. Дело в том, что в присутствии Бога отменяются не только законы физики, но и законы логики, поскольку они тоже сотворены Им, а без логики мы не умеем что-либо постигать.

Первопричина всех чудес

Хотя в самой области Богоприсутствия все наши познавательные средства теряют силу и остается один "Божественный мрак" (Дионисий Ареопагит), отступив немного от этой "горячей зоны", мы можем уже начать выстраивать какие-то цепочки рассуждений. Это будет не логика чуда, а логика вокруг чуда.

Рассуждение первое: неподчинение данного предмета законам физики возможно по той причине, что Бог, расплавляющий все законы, как огонь расплавляет воск, способен соединиться с этим предметом.

Рассуждение второе: то, что Бог способен соединиться со всяким материальным предметом, доказывается тем фактом, что однажды Он соединился с самым сложным из всех материальных предметов и был в соединении с ним более тридцати лет. Этим предметом был человеческий организм. Иными словами, у истока всех Богоприсутствий стоит Боговоплощение.

Оно описано в Евангелии, но довольно скупо, без объяснения, как это возможно, как бы мы сказали сегодня, без раскрытия механизма. Тем самым подтверждается, что это — не нашего ума дело. Впрочем, одна важная деталь все же сообщается: зачатие Иисуса во чреве девы Марии произошло от Святого Духа. Архангел Гавриил сказал ей: "Дух Святой найдет на Тебя и сила Всевышнюю осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим" (Лк. 1, 35). Вспомнив, что и во многих других местах Священного Писания, например, в повествовании о дне Пятидесятницы, проявление Божественной силы тоже связано с нисхождением Святого Духа, мы можем предположить, что приход в наш мир Бога начинается именно с прихода Святого Духа — Третьего Лица Пресвятой Троицы. Конечно, Троица нераздельна, и присутствие одного из Ее Лиц означает и присутствие двух других, но это в каком-то очень "тамошнем", трансцендентальном смысле. В понимании же здешнем, которое всегда развивается в категориях пространства и времени, Святой Дух входит в материальную вселенную первым и как бы готовит в ней горницу для Отца и Сына. Это связано с тем, что, несмотря на онтологическое сходство с другими, каждое Лицо Троицы имеет свою феноменологическую, или функциональную, специфику. Специфика Третьего Лица состоит, видимо, в том, что для Него одинаково прозрачны и горний и дольний миры. Если сравнить "эту" действительность с веществом, а "ту" — с антивеществом, то Святой Дух можно сопоставить с фотонами, которые одни и те же в веществе и в антивеществе и "не боятся" ни того, ни другого, так что могут свободно перемещаться из первого во второе и обратно, перенося энергию и информацию. Святому Духу все равно, где находиться — на небесах или на земле, — Он инвариантен по отношению к ним обоим, и этим Он отличается от двух других Лиц Троицы, для которых естественно находиться на небесах и неестественно — на земле. Поэтому, когда Отцу или Сыну надо "сойти на землю", Святой Дух высылается туда перед Ними и вдувает сюда струю невидимого "воздуха", который так же

необходим небожителям, как нам наш воздух. В этот созданный Им пупырь могут войти теперь и Они. Недаром Иисус сказал Никодиму, что Дух "дышит" (Ин. 3, 8). Существенно то, что это "дыхание" происходит в каком-то определенном месте, а в других местах его нет. Это вроде бы противоречит тому что Бог существует не во времени и не в пространстве, но надо напомнить, что речь идет не о Боге в Его полном ноуменальном содержании, а о Его проекции "сюда", о Его появлении "для нас". "Бог в Себе", конечно, вездесущ, но "Бог для нас", точнее, та Его часть, которую мы воспринимаем как дуновение Святого Духа, способна сосредоточиваться в ограниченной области материального бытия. Неудивительно, что эта способность присуща именно Третьему Лицу — ведь, как уже сказано, Оно инвариантно по отношению к видимому и невидимому мирам, поэтому естественно ожидать, что в нем имеются признаки обоих этих миров, в том числе и такой "наш" признак, как локализуемость. Святой Дух есть связующее звено между двумя частями сущего не только по характеру активности, но и по свойствам.

Тому, кто подумает, что теория локализуемости Святого Духа сомнительна, ответим: это как раз самое прочное место наших рассуждений. Не принять его — значит не только не верить в Боговоплощение, которое было строго локальным, но и отвергать таинство Евхаристии. Ведь святыми дарами становятся после Литургии не все хлеба на свете, а только те, которые находились на алтаре, а дарами они становятся потому, что по молитве священника на них нисходит Святой Дух.

Последний пример хорош тем, что позволяет сделать интересное обобщение. Согласно догмату о Евхаристии, освященные на обедне хлеб и вино, оставаясь только по виду хлебом и вином, невидимо становятся также Телом и Кровью Христа. Сомневаться в этом — значит вообще не быть христианином. Но что означает здесь "также"? Как раз то, о чем мы говорили выше: повеяв на предложенные дары, Святой Дух вдувает в них фрагмент потустороннего бытия, в результате чего в пространственном объеме, ограниченном этими дарами, начинают параллельно существовать два нераздельные и неслиянные пространства — здешнее и тамошнее, — и хлеб и вино как бы прорастают в тамошнее пространство, где становятся Телом и Кровью Христовыми. Разумеется, это означает, что в это "прорастание" входит Христос. Никаким физическим датчиком обнаружить это трансцендентальное продолжение невозможно, ибо любой такой датчик реагирует только на материю, — тут нужен прибор, который бы реагировал и на невидимую реальность. Но такой прибор есть — это человеческая душа, — и он отлично регистрирует наличие второй ипостаси Святых Даров. О том, как заметно может измениться человек после причастия, знает каждый воцерковленный верующий.

Так что же такое мироточивая икона? Это такая икона, на которую сошел Святой Дух, благодаря чему в ней открывается как бы дополнительное отделение с нездешней атмосферой, пригодной для пребывания в нем

находящихся в Царстве Небесном святых. Соединившись со своим изображением, святой является в иконе таким же живым, каким он был в Царствии, а поэтому может вводить в наш мир вещество того мира, откуда он пришел.

Чудеса Иисуса

Вернемся к чуду из чудес — Боговоплощению. Третье Лицо Пресвятой Троицы — Святой Дух — Своим сошествием на чрево девы Марии приготовил там жизненное пространство для Второго Лица, куда Оно затем вселилось. В дальнейшем Святой Дух так все время и осенял Собой ту область материального пространства, где находилась плоть Иисуса, — сначала зародышевую клетку, потом эмбрион, а после Рождества — организм мальчика, юноши и, наконец, взрослого мужчины. Поэтому богословы и говорят, что у Него были два естества. В нашем пространстве располагалось человеческое естество, а в созданном Святым Духом параллельном пространстве — Божеское. Если бы Святой Дух ушел, Божественное естество "задохнулось" бы, ибо никакой небесный обитатель, если только он не Святой Дух, не может существовать в материальном мире, и на месте Иисуса Христа остался бы просто Иисус. Но Дух не отступал от Него ни на миг, и в образованной Своим присутствием невидимой полости питал атмосферой Царствия Небесного Бога-Сына в течение тридцати трех лет. Такого масштабного присутствия здесь "неба" не было за всю историю человечества. Поэтому Иоанн Креститель и сказал: "покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие" (Мк. 1,15).

Этим, собственно, все и сказано. Вопрос о чудесах Иисуса нужно ставить противоположно тому, как он обычно ставится: удивляться не тому, что Он совершил много чудес, а тому, что были моменты, когда Он их не совершал. Ведь Он постоянно и сущностно был той сверхгорячей зоной космического "ядерного реактора", где все законы испаряются как дым и откуда чудеса должны бить фонтаном. Но они вылетали из этой страшной зоны лишь отдельными вспышкам. Почему?

Потому, что иначе рядом с Богом-Словом не мог бы существовать человек Иисус — были бы сожжены все законы химии и биологии, по которым развивался и жил его организм. Выращивая рядом с Собой человека, Бог сознательным усилием подавлял Свою природную чудотворность. Божественная природа Христа отменяла эти законы, но Его разум и воля вновь предписывали их Иисусу. Но не те, которые управляли человеческими телами раньше, а немного другие. В процессе возмужания Христа как человека, в его лице создавался Им же, как Богом, новозаветный человек, который при желании может спастись. В этом и состояло главное чудо всех времен, сотворенное для нас с вами.

Что же касается других чудес Иисуса, то многие из них были артефактом Его Божественности. Сколько же их было? Апостол Иоанн

жаловался: "Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг" (Ин. 21, 25).

Ему виднее — он неотлучно был при Иисусе.

6. А почему притчи?

Притчи о Небесном Царствии, составляющие содержание тринадцатой главы Евангелия от Матфея, представляют собой самое известное широкой публике место Нового Завета, и в то же время самое непонятное. А это очень плохое сочетание, поскольку, если что-то хорошо известно, возникает иллюзия, что это и хорошо понятно, и на этом процесс знания останавливается, иногда даже и не начавшись.

Спросите первого попавшегося верующего, что такое притчи о Царствии, и скорее всего вы услышите следующее: это призыв к спасению, разъяснение того, что главной целью человеческой жизни должно быть его обретение. В общем, агитация и пропаганда.

Но всякий агитатор и пропагандист старается говорить как можно понятнее и доходчивее, чтобы его словам вняло как можно большее число людей. А Иисус делает все наоборот: прибегает к иносказаниям, напускает какого-то тумана. Почему же Ему было не сказать обо всем прямо и четко, не разжевать и не положить в рот, если Его цель состояла в наборе максимума Своих последователей, в вербовке максимума душ?

Эта несообразность свидетельствует о том, что мы совершенно неправильно понимаем суть дела спасения, а значит, и не можем успешно спастись. Но ведь спастись — это важнее всего остального, значит, нам необходимо во что бы то ни стало разобраться в этом парадоксе и ответить на вопрос, почему притчи?

Между прочим, ученики именно об этом и спросили Иисуса, так что никаких домыслов мы можем не строить. Спросили и получили однозначный ответ. Но мы, читая Евангелие, почему-то всегда пропускаем его мимо ушей, будто это что-то второстепенное, сказанное просто для гладкости речи. А в нем-то все и раскрывается. Давайте же вслушаемся в ответ Иисуса внимательно.

"Для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: дня того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет" (Мф. 13, 10).

Что это означает? Слова сии звучат для нас странно и даже пугающе. Настолько пугающе, что мы подсознательно не хотим в них вдумываться, инстинктивно чувствуя в них что-то неожиданно жестокое, к чему мы не готовы. Нам хочется отмахнуться от них, поскорее перейти к следующим фразам. Сквозь эти слова просвечивает совсем не тот образ Христа, к которому мы приучены, и мы предпочитаем не менять его и оставить все как

есть. Но считать Христа не Тем, Кто Он есть на самом деле, значит, не быть христианином. Так что вдуматься все-таки надо.

Как бы это ни расходилось с общепринятыми представлениями об Иисусе, как проповеднике и вербовщике, факт остается фактом: Он специально говорил так, что Его трудно было понять. Он пользовался особым языком, к которому надо было иметь ключ, я давал затем ключ только тем Своим ученикам, которых готовил к апостольскому служению. Они с трудом осваивали этот ключ, так что Иисусу приходилось проводить с ними повторные тренировки. Один раз Он учил их на примере притчи о сеятеле, другой раз на примере притчи о плевелах, и оба раза делал это скрытно от остального народа. "Сеятеля" стал объяснять лишь тогда, когда они "приступили к Нему", то есть подошли настолько близко, что можно было говорить только им, понижая голос, а "Плевелы" вообще растолковал после того, как "отпустил народ" и вошел с учениками в дом.¹

Что напоминает нам такое поведение? Хотим мы этого или нет, в памяти тут сразу возникает то, как вели себя торговцы ложками, развозившие когда-то свой товар по всей России. Они создали специфический жаргон, названный "феней", который был непонятен непосвященным и поэтому давал им возможность прилюдно договариваться о политике цен и разных других "маленьких хитростях" (потом этим жаргоном воспользовались гастролирующие музыканты). Другая аналогия, менее приятная, — жаргон "блатных", по которому они сразу узнают друг друга и тоже могут с его помощью скрыть что-то от слушающих их "фраеров". В общем, мы имеем тут типичный эзотерический язык, средство корпоративного общения. К нему прибегают в тех случаях, когда хотят передать некоторую информацию, предназначенную только своим и скрываемую от чужих. Неужели, Иисус в Своих притчах действует именно так? Утаивает информацию о Небесном Царствии от тех, кто не особенно хочет ее получить? "Кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет". Кто не торопится спастись и слушает проповедь о спасении невнимательно, того Я нарочно буду убивать с толку, пусть гибнут...

Может это не совсем так, но тут проглядывает совсем другая концепция спасения, чем та, которая является сегодня столь популярной. Христос не тянет к Себе сомневающимся и колеблющимся, а ставит пред ними дополнительный барьер: не захотите его преодолеть, тем хуже для вас. Он не сглаживает различия между теплыми и прохладными, а увеличивает их, согревая теплых и еще больше остужая прохладных. Он не нивелирует людей, а размежевывает их. Размежевание в некотором смысле можно назвать сквозной идеей Нового Завета: место, которое мы обсуждаем, находится в его начале, а в самом его конце всплывает опять: "Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да

¹ Конечно, после того, как Евангелие было опубликовано, ключ к притчам стал доступен всем. Но тогда появились другие "секреты" христианства".

творит правду еще, и святой да освящается еще" (Откр. 22, 11).

Зачем нужна эта поляризация, легко понять из притчи о плевелах. Рабы сказали хозяину поля: "хочешь ли мы пойдём, выберем их? Но он сказал; нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе и то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу Мою" (Мф. 13, 28). Смысл того, чтобы ждать до осени, ясен: только что взошедшая зелень вся почти одинакова, но если дать ей подрасти, естественные различия между полезной культурой и сорняками станут проявляться все отчетливее и в конце лета разложить их на две кучки будет совсем легко. Внешнее размежевание здесь обличает отсеивание одного от другого, поэтому, если бы хозяин мог каким-то искусственным способом его усилить, он сделал бы это (например, применил бы какое-то опрыскивание, делающее пшеницу желтой, а сорняки — синими). Так вот, Иисус и применяет такой искусственный способ для усиления поляризации человеческого рода на праведных и нечестивых: таким способом является эзотерическое проповедование языком притч. Строго говоря, это даже не проповедование, а тайное обращение к "верным" с целью еще больше укрепить их в верности и еще дальше отвести от ненадежных, чтобы эти две группы не смешивались между собой.

Таким образом, дело Христова спасения — не набор, а отбор. Для большинства это будет неожиданностью, но это так. Читатели могли сами убедиться, что никакого иного вывода на основании евангельских текстов сделать просто невозможно. Иной вывод делается нами лишь потому, что мы предпочитаем оптимистическую ложь грозной правде.

Концепция "агитации" или "набора" кажется нам более гуманной, чем концепция отбора, а поскольку мы считаем Христа великим гуманистом, нам трудно взглянуть на вещи объективно. Образ Христа агитатора включает в себе больше снисходительности, а это-то как раз нам и нужно. Нам хочется, чтобы Он был вербовщиком, уговаривателем: раз Он уговаривает нас спасаться, значит, Ему это очень нужно, значит, Он не будет нас строго судить на Своем Суде. Вот какова подсознательная логика, настраивающая нас против идеи отбора. Ведь отбор есть нечто беспощадное, это прокрустово ложе: кто не подойдет по размерам для рая, тот отправится в ад и никакие мольбы ему не помогут.

Тем не менее христианство есть отбор, и та "щадящая" трактовка Евангелия, которую мы впитали, есть не что иное, как проявление общей тенденции нашей цивилизации: долой страх Божий! Зачем ей это надо? Затем это надо тому, кто эту цивилизацию выпестовал и кто сегодня вдохновляет ее во всех основных ее проявлениях, — персонажу, хоть и невидимому, но, по достоверным сведениям, имеющему рога и копыта. Не имея своей собственной онтологической жизни, он существует лишь всасываемыми им в себя нашими жизнями, которыми ему удастся овладеть, поэтому каждая неспасенная человеческая душа есть для него еще одна порция пищи, еще

один объем горючего, продляющий его заимствованное бытие. Если бы этой подпитки не было, он давно зачах бы и увял, а чем ее больше, тем пышнее он расцветает своим злым цветом. Естественно, что всю хитрость своего изощренного ума он употребляет на то, чтобы отвратить нас от спасения, и одна из сравнительно недавно изобретенных им для нас ловушек оказалась особенно эффективной. Раньше он через очарованных им писателей и общественных деятелей поносил Евангелие, оспаривал его подлинность, высмеивал христианские догматы и т. п. Но это становилось все менее успешным, поскольку и исторические документы, и археологические раскопки, а в последнее время и результаты естественных наук стали все более подтверждать Священное Писание. Тогда он сменил стратегию: стал изо всех сил поддакивать Евангелию и содействовать его тиражированию и распространению, но, поддакивая, незаметно перемещал акценты таким образом, что эта спасительная книга начала переходить в свою противоположность. Теперь мы читаем Евангелие, а он потирает руки и хихикает: имея глаза, мы не видим и, имея уши, не слышим.

Это очень серьезно! Дело обстоит так, что мы находимся под угрозой стать жатвами грандиозного обмана, может быть, самого грандиозного за всю человеческую историю. Нас обманым путем хотят лишиться главного спасательного средства — святого Евангелия, от нас хотят утаить голос Самого Бога. Что же нам делать?

Чтобы врагу нашего рода это не удалось, мы в первую очередь как раз и должны твердо и навсегда усвоить ту несомненную истину, что после смерти нашего тела будет уже поздно каяться и менять свое поведение, ибо нас ожидает не перевоспитание, а Страшный Суд, то есть отбор. Если мы еще сомневаемся в этом, послушаем последнюю из притч, сказанных Иисусом Своим ученикам.

"Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и севши хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов" (Мф. 13, 4750).

Кажется, чего уж яснее? И все-таки чернь сомнения продолжает точить душу, не правда ли? Бог не может быть так беспощаден. Ведь перед каждым причащением мы обращаемся ко Христу со словами, которые написал для нас святой Василий Великий, а он не мог ошибиться: "Не хочещи бо, Владыко, создания Твоею руку погубити, ниже благоволиши о погибели человеческой, но хочещи всем спастися, и в разум истины прийти". Бог всем желает спасения! Может ли Он в таком случае нарочно производить поляризацию, которая обличит ему рассортировку, превращая ее в чистую формальность?

Да, может производить и постоянно производит. В апостольские времена Он прибегал для этого к эзотерическому языку притч, а сегодня

попускает диавольские соблазны нашей комфортной цивилизации и даже диавольское искажение собственной Благой Вести, не действующие только на подлинно верных, а остальных влекущее на ту дорожку, которая в конце приводит в ад. Но, глядя на тех, кто вступает на эту дорожку. Он не испытывает никакого злорадства. Почему же Он не перекрывает этот путь?

Ответ прозвучит странно, но он верен: из человеколюбия. Суть в том, что отправка души в ад есть вовсе не месть, а предоставление человеку того окончательного местопребывания, к которому он подготовил себя в течение земного этапа существования. В раю грешнику было бы еще хуже, чем в аду. Представьте себе картежника, которому запрещено играть, или сплетника, не имеющего возможности злословить, — да их же стошнит от Царства Небесного, где все это исключено. Наверно, если бы им показать и то, и то, они сами выбрали бы ад, где собрана подходящая для них компания. А чтобы облегчить этот выбор, чтобы пребывание души в раю или в аду было более органичным, а значит, пребывание в аду было менее мучительным. Господь еще при нашей жизни поляризует нас и разводит подальше друг от друга.

Но отчего же в преисподней все же "плач и скрежет зубовный"? Не от сковородок, а от досады. Огонь, который жжет грешников в аду, — это запоздалое раскаяние. Только там они начинают понимать, что грешная жизнь не приносит истинной радости, ибо она противоречит космическим законам, и в них пробуждается сожаление, что они упустили свой шанс, данный им на земле.

Давайте же молиться, чтобы вместо этого "они" нам не пришлось когда-нибудь сказать "мы". И не только молиться, но и действиями своими стараться предотвратить это.

7. Да воссияет и нам Свет Твой...

В день Преображения Господня церковный хор несколько раз в течение службы исполняет дивный тропарь:

Преобразился сей на горе, Христе Боже,
Показавый ученикам Твоим славу Твою,
Якоже можаху...

Это "Якоже можаху" выпевается как-то особенно торжественно и так крепко запоминается, что нередко употребляется как название тропаря. Например:

— Завтра Преображение, в храме будут петь "Якоже можаху", обязательно надо пойти...

Но даже из регулярно посещающих церковь мало кто вдумывается в эти слова, как и вообще в суть описанного в Евангелии события, именуемого Преображением.

Внешне оно выглядело так. На восьмой день после того, как апостолы

возвратились из окрестных селений со своей первой проповеди, Иисус взошел с тремя из них — Петром, Иаковом и Иоанном — на высокую гору недалеко от Назарета, и там они вдруг увидели Его в поразившем их облике: в блистающих как снег одеждах и с лицом, озаренным неземным светом. Как бы притянутые Его святостью, к нему приблизились древние пророки Моисей и Илия, а из облака раздался возглас: "Это Сын Мой возлюбленный, на Котором Мое благоволение; Его слушайте". Ученики были здорово перепуганы и не знали, как себя вести, и что говорить, но через минуту все кончилось, и перед ними вновь стоял один Иисус в Своем обычном виде.

Промыслительный аспект этого эпизода состоит в том, что он явился одним из звеньев той цепочки божественных актов, которая привела к созданию Новозаветной Церкви. Официальной датой ее рождения считается пятидесятый день по Воскресении Христовом ("Пятидесятница"), когда действием сошедшего на них Святого Духа собравшиеся в Иерусалиме апостолы обрели благодать, давшую им право совершать дальнейшие рукоположения, то есть стали первыми епископами. Но к этой роли их надо было основательно подготовить, и Преображение стало очень важным этапом такой подготовки. На Фаворской горе Иисус въяве показал, что Он не политический лидер и даже не пророк, а подлинный Сын Божий, и Его Отец подтвердил это, хотя и остался невидимым. Без этого наглядного урока апостолы не могли бы осознать во всем объеме смысла своего служения. Как поется в другой молитве на Преображение (кондаке), "да егда Тя узрят распинаема, страдание убо уразумеют вольное", то есть, когда увидят Тебя пригвождаемого ко кресту, будут знать, что ты Сам захотел принести Себя в жертву ради нас и ради нашего спасения, а если бы не захотел, мог бы превратить в прах Своих убийц.

Это объяснение дается повсюду, и оно вроде бы исчерпывает тему. Но это не так. Мы говорим об Иисусе "показал", и нам кажется, что это слово вполне ясное, а на самом деле оно загадочное. Показать можно и фокус, как это делают иллюзионисты в цирке, а можно показать и то, что есть на самом деле. Преображение не было фокусом, ибо Иисус действительно был, есть и будет- Вторым Лицом Пресвятой Троицы, и слава Господня от Него неотъемлема. Но тогда почему ученики видели Его таким лишь в течение каких-то мгновений'?

Ответ может быть только один: они не были способны видеть действительность, и Иисусу пришлось на какое-то время дать им эту способность. Это время было не слишком малым, иначе они не осмыслили бы увиденного, но и не слишком большим, чтобы охвативший их страх не повредил их немощного рассудка.

Почему же у них не было этой способности? В каком состоянии они находились, если, имея глаза, не видели?

Такое состояние называют околдованностью или зачарованностью. Его могут наслать и недобрые люди, но не своей собственной силой, а всегда силой того древнего персонажа, который невидимо стоит за всеми злыми

делами. Эти бесовские чары подобны печати, накладываемой на чувства — они препятствуют правильному восприятию окружающего. Такого рода печатью стал, например, адамов грех непослушания и гордыни, повредившей самое естество человека. Конечно же, эта печать лежала и на Петре, Иакове и Иоанне, которые, как и все люди, были потомками Адама, и на первый взгляд представляется логичным, что именно первородный грех не давал им видеть Христа в Его истинном облике. Но тут-то и всплывает наше "Якоже можаху", сразу разрушающее это предположение. В переводе на современный русский язык оно означает "Насколько они могли". Иисус не прибавил апостолам силы восприятия. Он продемонстрировал им лишь то, что они могли воспринимать даже при своей наследственной порче!

То, что эти слова молитвы не оговорка или неточность, подтверждается и положением догматического богословия. Если бы было верно первоначальное предположение, — то означало бы, что на Фаворе произошел акт освобождения человека от первородного греха, являющийся актом даже не антропологического, а космического порядка. Конечно, Богу все возможно, однако Он не только всемогущ, но и всемудр, а поэтому всегда соизмеряет цель со средствами. Избавление людей от последствий адамова падения составляло главную цель всего божественного Домостроительства с того самого момента, как это падение произошло, но задача эта была так сложна, что для ее решения Богу понадобилось время и терпение, а в какой-то момент и самопожертвование. Постепенная подготовка сознания ветхозаветного человека к усвоению евангельской проповеди, Боговоплощение, сама эта проповедь, затем голгофская жертва, Воскресение и сошествие на апостолов Святого Духа — вот основные вехи на пути нашего спасения. Только после всего этого открылась возможность через крещение, регулярное причащение и исполнение Христовых заповедей стать "новой тварью", смыв с себя печать первородного греха. И если допустить, что Христос мог достигнуть того же результата в отношении трех учеников без этих дополнительных и целенаправленных усилий, а просто одним пожеланием, то почему Он не сделал того же самого с такой же легкостью в отношении и других людей? Тогда Ему не нужно было бы принимать "чашу сию" — перетерпевать позор и муку крестной смерти. Нет, легкость тут была исключена — коренная переделка человеческой природы сотрясла бы всю вселенную, может быть, даже привела бы к изменению мировых констант и законов природы, ибо человек есть венец всего творения, вершина пирамиды бытия, завершение и оправдание процесса развития материи. Такого сотрясения Творец не мог допустить. Правда, католики полагают, что однажды волевое снятие адамовой печати все-таки совершилось — она была снята с Иоакима и Анны в момент зачатия ими Богородицы (догмат латинской Церкви "О непорочном зачатии"), — но только однажды в порядке исключения. Православное же богословие не допускает и этого.

Нет, Петр, Иаков и Иоанн ни на секунду не переставали быть ветхозаветными людьми. И, тем не менее, они узрели Христа в славе якоже

можаху, то есть насколько могли. В этих словах заключен не только расширительный, но и ограничительный смысл. "Насколько могли" — значит "подошли к пределу своих возможностей". Чем же устанавливается для них этот предел, дальше которого они не были в состоянии пойти? Как раз идущей от Адама поврежденностью природы. До своего прегрешения Адам разговаривал с Богом-Отцом как со своим другом, а на Фаворе Он остался для апостолов невидимым, поэтому состояние "до" и "после" и сравнивать нельзя. Преображение Господне не было возвращением в состояние "до", в этом не может быть никакого сомнения. Не было уже потому, что являлось составной частью дела такого возвращения. Однако на Фаворе произошло нечто значительное, в этом тоже нельзя сомневаться, и произошло не само собой, а по воле Христа! Хотя ученики по своей природе и могли видеть Его в славе, но ведь не видели. Выходит, какой-то барьер все-таки был, и Иисус помог им его преодолеть. Какой же?

Как уже сказано, его преодоление не было связано с изменением вселенских структур. На Фаворе происходило Преображение, а вне Фавора никто о нем и не догадывался. Кто ловил рыбу, продолжал ее ловить, кто спал, тот продолжал спать. Иисус тоже в сути Своей не изменился. Следовательно, явление разыгрывалось не в пространстве и времени, а в душах трех апостолов, то есть имело не онтологический, а психологический характер. Преградой для восприятия было не естество, ею была зачарованность. Видеть Бога-Отца они не могли физически, а видеть в Иисусе Бога-Сына могли, но не решались. Им мешало не объективное, а субъективное препятствие: запуганность, забитость, затюканность, неверие в себя. Всесильные книжники и фарисеи установили в Иудее того времени такой свирепый идеологический террор, что целые поколения вырастали, не смея иметь собственных мыслей, и были готовы признать предреченного пророками мессию только в том, на кого будет указано этими властителями дум. А более поздняя секта саддукеев пропагандировала материализм, в рамках которого Сына Божия просто не могло быть. При этом монополюс владеющие истиной первосвященники проникались спесью и высокомерием и привыкали смотреть на народ как на быдло. В сознании того, что они быдло, и были воспитаны рядовые иудейские граждане Петр, Иаков и Иоанн. А где же быдлу увидеть Сына Божия во всем величии...

Новый Завет буквально переполнен свидетельствами умственной скованности и робости апостолов, мешавшей им воспринять что-то новое, отличное от того, что вдолбили им в головы их религиозные вожди. Эта великая книга имеет много аспектов, и в одном из них она есть рассказ о том, как убедительно проявлял Иисус Свою божественную сущность и какими маловерами, несмотря на это, оставались Его ученики. Пойдя по Его слову по воде, Петр вдруг усомнился и начал тонуть. Много раз слыша от Учителя, что Он будет распят и на третий день воскреснет, они удивлялись, когда это случилось. А ведь до этого Иисус на их глазах воскресил сына вдовицы, дочь Иаира и четырехдневного Лазаря. Когда жены-мироносицы возвестили им,

что тело Иисуса исчезло из гроба, "показались им слова их пустыми, и не поверили им" (Лк. 24, 12). И что особенно поразительно — когда уже воскресший Христос приходил к ним, они Его не узнавали: не как Бога-Сына, а просто как человека Иисуса! Так было на Тивериадском озере, так было в запертом от иудеев доме в Иерусалиме, так было на пути в Эммаус. Почему же? Евангелие дает нам разъяснение, относящееся к последнему случаю: "Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его" (Лк. 24, 16). Кем или чем они были удержаны, в Писании не говорится, но и так ясно, что не Христом. Он, наоборот, хотел, чтобы ученики узнали Его по Воскресении и убедились, что "исполнилась вся правда", и именно для этого дал Фоме ощупать Свои раны. Конечно, эта "удержанность" была плодом промывки мозгов, которую постоянно устраивали им первосвященники. Как выяснила современная наука, человеческий глаз — весьма хитрый инструмент: он видит не то, что есть, а то, что сознание приготовилось увидеть. В наш зрительный аппарат встроен некий сложный компьютер, который все время делает поправки, руководствуясь принятой данной личностью концепцией мироустройства, скажем, сегодня люди видят всякую летающую дьявольщину в форме межпланетных транспортных средств с иллюминаторами, а раньше ее видели в форме ведьм на метлах. А вот на бесстрастной фотопленке такой объект был недавно зафиксирован как просто мохнатый шар. Но если такая бессознательная коррекция происходит в отношении низменного, то она должна происходить и в отношении высокого. Евангелие удостоверяет, что так оно и есть. Поэтому, возвращаясь к Преображению, мы можем сказать о нем так: это было снятие с апостолов околдованности, освобождение их от той лжи, которую внушила им и всему народу небольшая группа людей, выдававших себя за радетелей нации, а на самом деле бывших сынами дьявола (Ин. 8, 44).

* * *

События, описанные в Евангелии, и по времени, и по расстоянию очень от нас далеки. Но если взглядеться и вдуматься в них пристально, окажется, что это сегодняшние события. Каждый его стих имеет два плана: частный и универсальный. Первый — об Иудее, Самарии, Галилее и окрестных местах. Второй — о той стране, где их читают. Когда вывезенных из Африки невольников обратили в Америке в христианство и священники стали читать им в церквах Библию, они сразу поняли, о чем повествует Моисееве Пятикнижие: о страданиях негритянского народа вдали от своей милой родины. И были совершенно правы. Так неужели мы, русские, непонятливее? Неужели не сообразим, что рассказ Нового Завета о Преображении — божественное откровение о России, которое нам сегодня необходимо услышать более, чем когда-либо прежде, ибо оно может дать нам ключ к спасению в это решающее время?

...Мы живем сейчас и будто не живем. То, что вокруг нас, никому из нас не нравится. Мы видим Россию в унижении и хотим увидеть ее в славе. Но это значит, что мы хотим сподобиться стать свидетелями ее

ПРЕОБРАЖЕНИЯ. Это главное наше желание, определяющее тон и содержание наших разговоров. Мы беспрерывно жалуемся, сетуем, вздыхаем, охаем, сокрушаемся, причитаем, ноем и брюзжим; то приходим в уныние, то начинаем подбадривать себя необоснованными надеждами. Верующие прямо говорят, что все наше упование теперь только на Бога, неверующие не произносят таких слов, но тоже не представляют, что можем сделать мы сами, чтобы вернуть Великую Россию, и утешаются только тем, что будущее непредсказуемо и может произойти что-то вроде приятного сюрприза. Так что все мы и вправду ждем фаворского чуда, хотя и не все это сознаем. Но в таком случае нам надлежит постоянно помнить о том, в чем это чудо состояло. Господь стряхнул пелену лжи с очей учеников, и им открылась правда. В нашем случае Он делать этого уже не будет. Не потому, что Его желание помогать людям иссякло, а потому, что вся необходимая помощь с Его стороны нам оказана. С тех времен многое изменилось: Христос поправ Своей смертью нашу смерть, сделал нас новой тварью, поднял на более высокий уровень свободы и ответственности, просветил нас Священным Писанием и Преданием, утвердил на земле окормляющую нас таинства Церковь и теперь ждет от нас более разумных, более зрелых и более решительных действий, чем те, на которые отваживались апостолы. Кому многое дано, с того много и спрашивается, поэтому мы должны стряхнуть пелену со своих глаз сами. И как только мы сделаем это, тут же произойдет Преображение, и мы увидим Россию в славе, ибо она не только была великой страной, она и есть великая страна и ни на миг не переставала быть ею. А то, что она нищая, жалкая и ни на что ни годная, внушили нам ее враги.

Их много. Наш предпоследний царь был недалек от истины, когда говорил своему сыну, ставшему потом нашим последним царем: "Запомни, у России нет друзей". Конечно, он имел в виду не всех иностранцев вообще, а тех деятелей, которые определяют внешнюю политику иностранных государств. Эти слова справедливы и сегодня. Эти наши недруги прекрасно знают, что Россия великая страна и именно поэтому ее боятся и не любят, но нас они изо всех сил стараются разубедить в этом, посеять в нас неверие в свои силы, развить в наших душах комплекс неполноценности. Это — их главное оружие. Как древние фарисеи, они понимают, что самый лучший способ превратить нас в быдло, которого уже не надо бояться и из которого можно даже извлекать выгоду, — сделать так, чтобы мы сами ощутили себя быдлом. И давно занимаются этим, постоянно совершенствуя свою методику.

Они делали это достаточно умело еще в прошлом веке, и им удалось околдовать немалое число замечательных русских людей. Поддался их чарам Чаадаев, заявивший, что России второсортная страна, дрогнул Герцен, не устояли западники.

Что же касается периодических сомнений, то они были почти у всех лидеров нашей культуры. Тургенев отгонял их мыслью о величии русского

языка, Пушкин — историческими аналогиями со счастливым концом, Гоголь — художественным раскрытием многосторонности русского характера. Но все же такие настроения проникали тогда лишь в верхние слои общества, основная же часть народа не задумывалась, хороша ли страна, в которой они живут, а просто жили в ней и трудились и своим трудом делали ее все лучше. А вот сегодня в уныние впали уже не только писатели, но и десятки миллионов русских людей, и от уныния у них опускаются руки, в результате чего страна действительно начинает приходить в упадок. А недруги неумоимо выискивают любые признаки этого упадка, показывают их всем нам со всех страниц и экранов и непрерывно жужжат нам в уши: вот видите, какие мы глупые и неумелые, разве не ясно, что без посторонней помощи мы пропадем? Читаешь сегодня разные газеты, а впечатление такое, будто продают везде только одну. Смотришь телевизионные новости по разным каналам, а ощущение такое, будто показывают одну и ту же передачу с продолжениями о нашей никудышности, вроде бесконечного мексиканского сериала... Что там какой-то Кашпировский с его доморощенными "установками" — тут с использованием всей современной техники нам такую мощную дают установку на презрение к самим себе, что мы впервые в нашей истории и вправду превращаемся в зачарованную нацию, становимся забитыми и затюканными...

Соотечественники! Нам непременно надо сделать усилие и сбросить с себя это дьявольское наваждение, иначе будет совсем худо! Тем более, что сбросить его не так уж и трудно. Стоит лишь посмотреть на Россию чуть-чуть по-другому, и она предстанет нам такой, какая она есть — в непреходящем величии.

Есть прекрасный пример того, как нужно на нее смотреть, — "Севастопольские рассказы". В проигранной нами Крымской войне Толстой сумел увидеть не слабость и униженность, а силу и достоинство нашего народа. Его, собственно, мало интересовал исход кампании — это он относил к той грязной сфере, которая зовется политикой, — его интересовало поведение русских людей в этой кампании. Он вглядывался в то, как выходили из оставляемого врагу Севастополя преданные своими генералами и проданные своими дипломатами грязные и измученные русские солдаты, и это наполнило его оптимизмом. История показала, что он не ошибался: уже при жизни следующего поколения. Россия достигла небывалого блеска и могущества и наслаждалась миром и процветанием. Сегодня наш трижды преданный и проданный народ выходит из худшей переделки. Он покидает марксистскую утопию, оставляя ее любому, кто позарится на ее прелести. Это, конечно, тоже поражение. Но вдуматься, как он выходит из нее. Это происходит без ожесточения, без ненависти, без поисков козлов отпущения, без жажды отомстить кому-то за семидесятилетнюю погоню за призраком. Во всем разваливающемся "социалистическом лагере" страстно выясняют отношения, во многих местах гремят выстрелы и пылают жилища, а в России более или менее тихо. Как ни каркали средства массовой информации,

предрекая нам гражданскую войну, а ее все нет, и уже ясно, что и не будет. Разве это не свидетельство глубинной мудрости и нравственной силы русской нации? И эту силу начинают чувствовать во всем "ближнем зарубежье", и в тяжелых ситуациях прежде всего обращаются за помощью к России. Неприязнь к русским как к инициаторам построения коммунизма сменяется пониманием того, что без России все равно не прожить. Правда, в среде нашей интеллигенции можно услышать возмущенные голоса: почему мы должны им помогать, пусть режут друг друга сколько хотят, — но народ России не протестует. И он, как всегда, прав. Этим терпением и этой готовностью протянуть руку своим братьям он перемелет все нынешние раздоры, и на одной шестой части суши снова воцарится согласие и взаимопомощь.

Не будем проводить никаких сравнений — они всегда могут кого-то обидеть. Каждый народ по-своему хорош. Но нам пристало более всего смотреть на собственный народ, а посмотрев на него внимательно, мы не можем не увидеть, что это великий народ, принадлежность к которому — большое счастье. Это и будет Преображение. Это вернет нам веру в себя и мы начнем работать на благо отечества, как веками работали наши предки.

8. Душе моя, душе моя, восстани, что спиши!

Одно из самых сильных мест Евангелия — пророчество Иисуса о конце света. Сегодня многие видят в нем описание нашего времени. Причем эсхатологические настроения распространены не только среди читающих Евангелие христиан, но и среди тех, кто знает о его пророчествах понаслышке. Чуткое к состоянию общественного сознания массовое искусство спекулирует на этих настроениях и еще больше разжигает их яркими описаниями и экранизациями грядущей гибели нашей цивилизации. Подливают масла в огонь и многочисленные секты, время от времени объявляющие человечеству точную дату конца. Например, печально известная ныне секта Аум Синрике оповестила нас, что история кончится в 1997 году. Таких вполне определенных предсказаний было за последнее время множество, но пока, как мы видим, ни одно не сбылось. Правда, предсказателей это не очень смущало — когда назначенный срок проходил без всяких чрезвычайных происшествий, они заявляли, что в расчеты вкралась ошибка, которую они теперь исправили, и назначали новую дату. Так поступила, например, секта "Великое белое братство" после того, как назначенный ею на 24 ноября 1994 года Страшный Суд так и не состоялся.

Оказывается, все это не ново, такого рода ожидания возникали и много столетий тому назад. Скажем, при приближении 7000 лет "от сотворения мира", то есть в 1492 году, на Руси до того всерьез ждали Второго Пришествия, что в некоторых деревнях даже не засеивали полей, отпустили на все четыре стороны скотину, надели белые рубашки и уселись смотреть в небо, чтобы не пропустить грядущего на облаках Иисуса, восходящего яко

молния от востока к западу. Ждали-пождали, но, ничего так и не увидев, переоделись и побрели в лес на поиски одичавших коров.

В принципе, всякое поколение в какой-то мере ощущает себя финальным, и это обманчивое чувство коренится во вполне здоровом ожидании каждым человеком своего исхода из этой жизни, проще говоря, в инстинкте смерти. Та коллективная эсхатология, которой люди были подвержены во все века, в значительной степени есть проекция индивидуальной эсхатологии на окружающее общество, а индивидуальная эсхатология к концу света прямого отношения не имеет.

Если же говорить об эсхатологии всеобщей, то сразу же необходимо сделать одно важное уточнение. Многие люди, может быть даже большинство, понимают сегодня конец света как некий катаклизм, вроде ядерной войны, грандиозного землетрясения или столкновения Земли с астероидом. Это в корне неверное понимание. Апокалиптический финал означает отмену всего того, что когда-то было создано Богом, то есть не только всей материальной вселенной с ее бесчисленными галактиками, но даже и "ангельского мира". Это будет возвращение к дотварному бытию, хотя с некоторой добавкой, ради которой и был сотворен мир. Как это будет выглядеть, пророчествует Исайя: "И истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы и как увядший лист со смоковницы" (Ис. 34, 4). Да, весь наш наполненный веществом и светом шар вселенной диаметром в тридцать миллиардов световых лет тогда свернется, как свиток, и исчезнет яко дым, и в том бытии, которое после этого останется, не будет уже никаких радиусов и диаметров, ибо там не будет расстояний и длин, а главное — не будет никаких дней, лет и веков, ибо не будет времени. Поэтому конец света называют еще "концом времен".

Вещественная катастрофа и финальное изъятие материи — принципиально разные вещи, даже противоположные, поскольку имеют противоположный глубинный смысл. Это по самой своей сути различные события, вытекающие из несхожих предшествующих ситуаций. Катастрофизм и финализм — два разных состояния Божественного духа, приводящие к разным решениям. Пока мы не разберемся в этом различии, нам рано раскрывать Евангелие или Откровения Иоанна Богослова, надеясь вычитать что-то такое, что прояснит для нас так всех сегодня интересующий вопрос о конце. Как может что-нибудь у нас проясниться, если мы не даем себе ясного отчета, что означает само слово "конец"? Поэтому давайте начнем с уяснения для себя этого понятия.

Создавая мир, Творец ставил перед Собой какую-то цель, делал это для чего-то. Что же было для Него в этом создании главным? И Священное Писание, и святоотеческие творения, и мудрость святой апостольской Церкви, и христианское богословие сходятся тут в одном мнении: венцом творения и его оправданием был замыслен человек. Сотворив в шестой день мужчину и женщину, Бог сказал им: "наполняйте землю, и обладайте ею, и

владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким животным пресмыкающимся по земле" (Быт. 1, 28). Человек был водружен на вершину огромной пирамиды, напоминающей ступенчатую пирамиду фараона Джосера: верхней ее ступенью, на которую он непосредственно опирался, были высшие животные ("птицы небесные, рыбы морские и звери") следующей, если спускаться вниз, — растительные и одноклеточные формы ("трава, сеющая семя по своему роду и подобию"), представляющие собой кормовую базу для высших форм и полигон для отработки и усовершенствования механизма воспроизводства жизни путем синтеза белков под управлением нуклеиновых кислот. Еще ниже расположена ступень мертвой материи — физико-химическая реальность, управляемая "законами природы". Основанием же всего служат организационные и регулятивные принципы мироустройства — физические константы, математика и логика. Тот факт, что каждая нижележащая ступень специально рассчитана на то, чтобы на ней могла расположиться следующая по высоте, подтвержден современной наукой (так называемый "антропный принцип"), поэтому можно сказать, что физика является подножием биологии, биология — подножием зоологии, а зоология — подножием антропологии. Следовательно, если бы человека не было или он не удался бы в том виде, в каком был замыслен Богом, то все эти подножья утратили бы свою функцию и стали бы такими же бессмысленными, как постамент, на котором нет статуи. Правильность такого вывода доказывается следующим библейским текстом: "И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, от гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их" (Быт. 6, 5). Как мы видим, стал ненужным человек, стали ненужными и животные, несущие его на себе.

Правда, благодаря праведнику Ною эти чрезвычайные меры в последний момент были отменены: Бог решил произвести от Ноя как бы новое людское племя. С помощью Потопа Он обрубил у древа человечества все ветви, кроме этой единственной, и стал выращивать из нее новую вершину пирамиды, так что необходимость демонтировать ее нижние ярусы отпала. А что, если бы праведника не нашлось? Сколько ярусов снес бы в этом случае Творец — может быть, все? Если так, то это и был бы конец света, так как он означает именно ликвидацию всей пирамиды.

Читая Библию, полезно обращать особое внимание на самые популярные ее места, так как именно из-за того, что мы часто их слышим, возникает эффект привыкания, а следовательно, и иллюзия, будто мы их понимаем, хотя на самом деле это не так. Одна из самых известных фраз Библии — та, с которой она начинается, то есть первая фраза Священного Писания вообще. Она звучит так: "В начале сотворил Бог небо и землю" (Быт. 1, 1). Что это значит? Ясно, что это было не астрономическое небо,

которое Бог создал лишь во второй день и назвал "твердью", и не геологическая земля, созданная в третий день и названная "сушею". Эти "земля" и "небо" — то же самое, что "видимые" и "невидимые" в Символе Веры, Естественно предположить, что слова, которыми открывается богодухновенная книга, имеют ключевое значение и перескочить через них, как следует не вдумавшись, так же недопустимо, как, читая "Начала" Ньютона, перескочить через их первую аксиому сразу ко второй. Однако мы их как раз и не осмысливаем, торопясь перейти к более содержательным, по нашему мнению, событиям, происходившими последующие дни творения. Но понять происходящее в дни с первого по шестой невозможно, если не понять, что было создано в "нулевой день". Почему, прежде, чем приступить к творению на "земле", описанному в Шестодневе, Бог предварительно сотворил, помимо "земли", еще и "небо"? Важность этого акта подчеркивается употреблением здесь древнееврейского глагола "бара", выражающего особое творческое усилие. В первый, второй, третий и четвертый дни Бог уже не "творил", а "мастерил, и вернулся к подлинному творчеству лишь в пятый и шестой дни, когда создавал высших животных ("душу живу") и человека. Почему же эти три созидательных акта обозначаются одним и тем же словом? Это объясняется тем, что задача, решаемая Творцом, во всех трех случаях была по сути одной и той же. Ведь что такое "небо"? Это в первую очередь его обитатели, "силы небесные", мириады одушевленных существ, имеющих собственный ум, собственные чувства и собственную волю. Хотя эти существа и бесплотны, точнее, облечены в более тонкую материю, чем мы, они сходны с нами тем, что тоже являются свободно-разумными личностями и поэтому могут употреблять свой разум и свою волю не так, как хотелось бы Творцу, а совсем иначе, и даже употребить их против своего Творца, бросив Ему вызов. Тут присутствует замысел совершенно особого рода: этот замысел должен быть непременно осуществлен, ибо "Бог поругаем не бывает", но в то же время в нем самом заключена возможность его неосуществления. В лице свободных существ Бог создает камень, который не сможет поднять, но который, тем не менее, будет Им поднят. Вот эта-то неуместимая в человеческое разумение и выпадающая из человеческой логики "инженерная задача" и требует уровня изобретательности "бара", все остальное сделать уже гораздо проще. Поэтому этот термин отнесен в Шестодневе только к созданию одушевленных тварей — сначала ангелов, потом зверей и людей. Оно под силу лишь Самому Богу, помочь тут Ему никто не может. А вот когда создавались светила или конструировался механизм синтеза белков, тут использование подмастерьев было вполне уместным — они могли, например, производить математические расчеты или делать какую-то другую работу, имеющую технический характер. Во многих околохристианских философских текстах эти подмастерья именуется "демиургами (всегда во множественном числе), и такое употребление этого слова гораздо правильнее, чем то, которое восходит к Платону, назвавшему "Демиургом",

верховного Творца. Ведь по-гречески это слово означает "народный умелец", то есть ремесленник, а по отношению к Богу оно не только неточно, но и неуважительно. Это, конечно, случайность, но получилось так, что наиболее адекватно термин "демиург" звучит по-французски, где его можно понять как "полутворец". Именно так звучало это слово для французского уха Рабле, который обыграл это звучание и дал своему главному персонажу имя "Панург". Для книги, которая была манифестом поднявшего голову атеизма, это была блестящая находка: ваш бог, дескать, только наполовину творец, а мой смертный человек — "всетворец". Как тут не вспомнить, в какую хвастливую "панургиаду" разрослась идеология гуманизма в двадцатом веке: "нам нет преград ни в море, ни на суше" и т. п. Но и это, и космические проекты, и гениальная инженерия, и искусственный интеллект — все лопнуло как мыльный пузырь, и теперь нам все более становится ясно, кто же все-таки Всетворец, а кто полутворец.

На протяжении первых пяти дней творения помогающими Богу демиургами могли быть только ангелы — других одушевленных существ тогда еще не было. Когда был создан человек, Господь тут же и его пристроил к работе: поручил ему придумать имена животным. А до этого Творцу приходилось опираться лишь на помощь "сил небесных, которые, конечно же, именно ради этой помощи и были сотворены еще до начала творения. Прежде чем начать серьезную работу, надо подготовить инструментарий, и они как раз и явились таким инструментарием. В целом они не только оправдали свое сотворение, но и получили высокую оценку в Библии. В начале второй главы Книги Бытия, как бы подводя итог сотворению мира, автор говорит: "Так совершены небо и земля и все воинство их" (Быт. 2, 1). Поскольку о совершенстве Адама и Евы в тот момент говорить было еще рано, речь здесь может идти только об ангелах, и их совершенство может означать лишь то, что они здорово помогли Творцу в эти сверхнапряженные шесть "дней". Но абсолютно гладко все пройти не могло — ведь небесным силам была дана такая опасная вещь, как свобода. Один из самых лучших подмастерьев Бога — ангел по имени Денница, успешно решив те частные задачи, которые были ему поручены, возомнил о себе сверх меры и решил, что он не только может работать совершенно самостоятельно, но может создать свою собственную вселенную, которая будет лучше Божьей. Как тонки и коварны бывают соблазны, как обостренно бдительным должен быть каждый, кто обладает свободой! Денница, он же Люцифер, начал с, казалось бы, безобидного и даже похвального творческого азарта, а каким ужасным был конец! Увлечшись своим делом и видя, что у него что-то получилось, он захотел, чтобы его никто не ограничивал, и стал раздражаться вмешательством Бога и Его советами: не мешай мне, я сам! Он не понимал, что, если бы не Дух, который по милости Божьей все время на него нисходил, никаких творческих способностей у него вообще не было бы. Зарвавшись, он вошел в полосу неудач, но вместо того, чтобы отрезветь и покаяться, обозлился неудачами еще больше и стал винить в них Бога,

Который якобы завидует ему и нарочно вредит. Это все больше и больше разжигало в нем ненависть к Богу и углубляло отпадение от Него, но, тем не менее, он оставался привязанным к Богу, ибо не обладал способностью творить из ничего, а поэтому мог создать свою вселенную только из ворованного у Него материала, т. е. из соблазненных ангельских и людских душ. А соблазнять души нельзя иначе, как лестью, ложью и обманом, вот он и стал "лжецом и отцом лжи" (Ин. 8,44).

Сколько он соблазнил ангелов, нам дела мало. Но то, что он соблазнил наших прародителей, самым непосредственным образом сказалось на нашей судьбе. Сотворенный Богом человек искажил свое естество грехом, и из него не получился тот друг Господень, ради которого все и было затеяно. Это действительно оказался неподъемный камень. Но, как говорят в народе, Бог камень не подымет, а землю опустит — все равно достигнет своей цели, хотя и другим способом. Та мера святости, какая, согласно Замыслу, должна была сосредоточиться в одном Адаме, теперь стала набираться Богом из последовательности сменяющих друг друга поколений, введенных в русло исторического времени. И именно в свете этого обстоятельства нужно осмысливать эсхатологическую тему.

Вспомним еще раз: "Бог поругаем не бывает" (Гал. 6, 7). Что Он задумал, то осуществится непременно. Введенный в действие после первородного греха запасной вариант создания богоподобного человека, называемый Домостроительством, состоит в том, чтобы полноту богоподобия, которой должен был обладать Адам, собрать, как мозаическую икону, из множества угодников, каждый из которых не вполне совершенен, когда в этот синтетический образ будет вставлен последний камешек, дальнейшее существование "неба и земли" потеряет смысл, и настанет Восьмой День Творения — отлаженная и проверенная "в материале" пирамида жизни с сонмом святых на вершине будет взята из нашего мира в Царствие Божие. Это значит, что "день икс" не придет прежде того, как человечество произрастит нужное количество святых. Об этом прямо сказано в Апокалипсисе. Тайнозритель сообщает нам, что, когда святые мученики, пострадавшие за Христа, возопили к Нему громкими голосами, спрашивая, почему так долго нет Страшного Суда, Он ответил им: подождите, пока дополнится ваше число (Откр. 8, 10). Если же раньше этого момента человечество так испортится, что вообще перестанет производить святых, Господь прибегнет к осуществлению какого-то третьего варианта. Разумеется, для нас он так же непредсказуем, как для ветхого человека была непредсказуема Голгофская жертва, но в любом случае с ним будут связаны коренные переделки ярусов тварного бытия, которые людским сознанием будут восприняты как катастрофы и катаклизмы. Это может быть даже уничтожение всего живого, какое чуть не произошло в дни Потопа, но все же нижние ярусы пирамиды сохранятся, то есть это будет вовсе не конец света, а, наоборот, затягивание его существования. Поэтому и было сказано, что эсхатология и катастрофизм — противоположные категории. Первая

означает окончание работы, вторая — ее продолжение или возобновление.

Здесь так и подмывает немного порассуждать от себя — уж очень соблазнительна эта тема для умственных упражнений. Думается, если смотреть на них именно как на интеллектуальную гимнастику, они не будут грехом.

Просматривая Четьи-Минеи, замечаешь закономерность: больше всего святых было в первые века христианства, в средние века их количество уменьшилось, но оставалось еще достаточно большим, а в новое время их стало совсем мало. Об этом писал святитель Игнатий Брянчанинов, это говорил преподобный Серафим Саровский, это предсказано и в самом Евангелии. Но так и должно быть! Ведь если вы хотите наполнить некий сосуд маслом, не перелив через край, вы будете сначала лить его толстой струей, по мере поднятия уровня делать ее все более тонкой, а к самому концу станете его уже капать, чтобы не пропустить ту каплю, которая окажется последней. Если эта аналогия правомочна, мы можем заключить, что одним из признаков близости конца света является оскудение святости. Апокалиптическая глава Евангелия (Мф. 24, Мк. 13, Лк. 21) подтверждает это — там сказано, что по причине умножения беззакония в людях охладает любовь, а без любви не может быть никакой святости. Применяя этот признак к нашему времени, мы можем сказать, что у нас гораздо больше причин для эсхатологических настроений, чем у наших предков, живших в конце пятнадцатого столетия, когда Русь была наполнена молитвенниками и праведниками. Но для этих настроений есть еще одно основание, более серьезное, содержащееся в той же главе, и уже ради его одного нам нужно эту главу читать и перечитывать. Дело в том, что другие пророчества Иисуса о грядущих страшных событиях имеют три плана: первый — связанный с последовавшей после этого лет через сорок иудейской войной; второй — относящийся к падению великих царств древнего мира, и третий, который сегодня только нам интересен — несущий информацию о конце всего. Но четырнадцатый стих этой главы в Евангелии от Матфея по единодушному мнению всех комментаторов относится только к концу времен, то есть является чисто эсхатологическим. Вот он: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец". И мы видим, что этот сугубо апокалиптический признак, единственный столь определенный и конкретный признак во всей главе, впервые за всю историю человечества может быть отмечен как имеющий место. До сих пор этого признака не было, и если кто-то усматривал его, это было ошибкой или натяжкой. Блаженный Августин так говорил об этом: "Если кто думает, что слова: проповедано будет Евангелие царствия по всей вселенной значат, что это сделали сами апостолы, то на основании достоверных свидетельств можно доказать, что этого не было. Потому что есть в Африке бесчисленные народы, среди которых еще не проповедано Евангелие". Теперь таких народов нет уже не только в Африке, но и на всем свете. Евангелие всюду распространяется миллиардными

тиражами, лежит во всех гостиницах, рассылается бесплатно, продается от северной Гренландии до мыса Горн во всех книжных лавках и стоит дешевле, чем плохой завтрак. Что же из этого следует?

Вместе с другим признаком, которым является явное оскудение святости, этот признак прямо указывает на близость конца времен. И все же здесь остается неопределенность: мы не знаем точно, что такое "близость", Евангелие не называет дат, а просто говорит: "и тогда придет конец". Но что значит "тогда"?

Толкование этого слова наталкивается на некий парадокс. С одной стороны, Иисус говорит: "в который час не думаете, придет Сын Человеческий" (Мф. 24, 44). С другой стороны, Им указаны признаки, которые характеризуют именно наше время и никакое другое. Как же, имея явные признаки, мы можем "не думать"?

Разгадка парадокса заключается как раз в одном из признаков — в оскудении святости. Последний камешек, вставленный в мозаику Божьего подобию, окажется единственным святым, живущим на земле, — другие будут уже не нужны. А это значит, что все остальные люди будут грешниками, а грешники, даже читая Евангелие, ничего усвоить из него не могут и не могут правильно думать о таких вещах, как конец времен. Они будут не готовы к последнему часу не из-за недостатка предупреждений, а из-за своего легкомыслия.

Впрочем, само понятие сроков становится здесь сомнительным, датировка имеет смысл лишь в случае катастрофы, но не в случае финала. Когда последний святой войдет в Царствие, историческое время будет упразднено, ибо оно было необходимо только для выращивания святых, а значит будет упразднено и физическое время, обеспечивающее существование исторического. Но о какой же дате можно говорить, если нет времени? Ведь во второй раз Бог-Сын явится нам уже не в человеческом облике, а в Божественном, то есть в Святой онтологической сущности, а она неместима в пространство и время. Эта сущность приоткрылась трем апостолам в день Преображения Господня на Фаворской горе, и тогда там, несомненно, исчезло время, ибо они увидели живого пророка Моисея, который по шкале исторического времени давно был мертвым. В нашем пространственно-временном мире "Бога не видел никто никогда" (Ин. 1, 18), а значит и не увидит, поэтому сначала будет упразднено время, а потом уже нам явится Христос, и это Его пришествие нельзя будет зафиксировать ни по каким часам, ибо еще до этого все часы останутся на нуле. Именно такая последовательность событий дана в евангельской эсхатологии: "солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе" (Мф. 24, 29). Таким образом, "близость", о которой мы сегодня так часто говорим, правильное понимать не в положительном смысле, а в отрицательном: это не наличие каких-либо грандиозных происшествий в будущем, а отсутствие самого будущего. Это скорее не "близость, а

"краткость" — краткость остающегося у нас времени.

Впрочем, эта фраза неудачна, тут не следует говорить "у нас". В этом обороте вылезает наружу порождаемая нашей безбожной цивилизацией наша стадность. Когда люди теряют Бога, они начинают жаться друг к другу, забывая наказ Псалмопевца: "не надейся на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения; изыдет дух его и возвратится в землю свою, в той день погибнут вся помышления его". Замечали ли вы, что, ожидая конца света, мы как-то мало его боимся: на миру, мол, и смерть красна. Но это опасное заблуждение, у нас не будет никакой коллективной смерти, каждый умрет индивидуально, в одиночку, как умирали все люди, когда-либо жившие на земле. Если исторического и физического времени осталось, скажем, 12 лет, это означает только то, что если мне 65 лет, а соседу 20, то я умру в 77, а он в 32. Так что, важно это для меня, что он умрет в тридцать два года? Мне вообще не должно быть до этого никакого дела, а должно быть дело только до того, что мне лично предстоит такая таинственная вещь, как смерть, и такое страшное ее последствие, как ответ перед Богом за прожитую жизнь. Поэтому то, что было сказано выше, давайте скажем иначе, более точно: читатель! по тем признакам, которые указаны в Евангелии, у тебя остается мало времени, не теряй его впустую. Это, собственно, и говорит нам Христос в Евангелии:

"Поэтому и вы будьте готовы" (Мф. 24, 44). Эти слова обращены не только к нашему поколению, похоже, финальному, но и ко всем поколениям. Следовательно, если конец света теперь уже действительно близок, это имеет для всякого человека только то значение, что близка его собственная смерть, и никакого другого. И это должно напомнить ему о необходимости быть готовым к ней, ибо готовность, о которой говорил Христос, — путь к спасению, а спасение — цель и смысл нашего земного существования.

9. Суд над Иисусом

Ситуацию; возникшую после ареста Иисуса, можно охарактеризовать как "треугольник". В качестве ответчика Он предстал не перед одним, а перед двумя истцами: иудейским первосвященником Каиафой и наместником римского императора Тиберия Пилатом. К Иисусу они относились по-разному, и это их отличало друг от друга, но в чем они были схожи, так во взаимной ненависти.

Треугольник этот представляет собой исключительно ясный и точный символ того, что до сих пор происходит с заблудшим человечеством. По своей выразительности и наглядности он может быть назван "геометрической формулой богоотступничества", расшифровка которой, к сожалению, стала сегодня еще более актуальной, чем две тысячи лет назад. Как все настоящие и глубокие символы она имеет не одно прочтение: если говорить о самых важных, то их тут два. Они представляют собой проекции одной и той же сущности на две разные системы понятий, каждая из которых выявляет

определенный ее аспект. Событие, сущность которого нас интересует, состоит в произошедшем в мистическом пространстве отпадении человека от истины и впадении его в ложь, которая сразу же расщепилась на две разновидности. Что же касается первопричины отпадения, то ею была дурно использованная человеческая свобода — первородный грех.

Первая проекция

Два варианта отвержения истины, воплощенные в Каиафе и Пилате, возникают на разной психологической основе. Это хорошо видно из описания допросов Иисуса в синедрионе и в претории. Посмотрим сначала, как вел себя в качестве следователя Пилат,

"Пилат сказал Ему: итак ТЫ Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на "то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем" (Ин.18,37).

Читая это, мы вспоминаем картину Николая Ге, которая так и называется "Что есть истина?". Все мы бывали в Третьяковке, и это выразительное полотно не могло не броситься нам в глаза и не запомниться. Тщедушный всклокоченный Иисус стоит пред тучным самодовольным вельможей, и мы как бы слышим их диалог — нечто вроде философского диспута. Но если мы оторвемся от этого живописного образа и внимательно вчитаемся в евангельский текст, мы увидим, что там нет никаких оснований, чтобы считать подобную полемику действительно имевшей место. То, что там сказано о поведении Пилата, поразительно: он задает вопрос, притом очень важный, и, не дожидаясь ответа, выходит из комнаты! О чем это говорит?

Это говорит очень о многом. Но вначале хочется обратить внимание на то, что это место принадлежит к тем местам Евангелия, которые с особой внутренней убедительностью удостоверяют его подлинность как Священного Писания. Если бы кто-то сочинял историю о земной жизни Христа в целях создания "овладевающей массаами" идеологии, он постарался бы придать сюжетам логичность и законченность и вложить в них поучительный смысл. Почему апостол Иоанн или тот фальсификатор, который выступал под этим именем (а именно так представляли дело в так называемый "период гиперкритицизма"), не ухватился за возможность подробно воспроизвести спор, возникший в претории по поводу основ христианского учения, где Иисус положил бы Пилата на обе лопатки? Ведь это было бы прекрасным педагогическим приемом, диалектическим раскрытием новой догматики. Ответ один: по той причине, что Пилат действительно не стал слушать ответа, и никакого спора не было. А вот почему он себя так повел — это уже другой вопрос. Как ни странно, надлежащий ответ на этот вопрос можем дать лишь мы, люди двадцатого века.

Поведение Пилата не было странным, напротив, оно было вполне закономерным. Дело в том, что он не интересовался истиной. Его вопрос был чисто риторическим, т. е. содержащим ответ в себе самом. ЕСЛИ вслушаться в него, станет ясно, что это не вопрос, а высказывание: "Что такое истина, никто не знает, поэтому не будем говорить об этом". Вот он и не стал говорить о ней, а пошел к ожидающим его иудеям. И сказал им, что не считает Иисуса виновным. Это тоже очень показательный момент. Слова Иисуса, что Он есть Царь, вначале встревожили Пилата, так как от них повеяло политикой, но когда Иисус разъяснил, что Его целью является не захват власти, а свидетельство об истине, он успокоился. Идейные вопросы его не волновали, и этот чудной "царь", который собирался что-то проповедовать, а не совершать переворот, сделался в его глазах просто одним из непонятных для римлянина психологических типов дикой страны, где он добросовестно тянул ляжку чиновника, надеясь дослужиться до перемещения в какую-то более цивилизованную провинцию. Многие комментаторы отмечали веротерпимость или толерантность Пилата — предоставляющего палестинским туземцам придерживаться любого мировоззрения, и они, конечно, правы, но надо понимать, что причиной этой толерантности было равнодушие прокуратора к мировоззренческим предметам. Разумеется, в этом сказались не личные качества Пилата, а сам дух государства, которое он представлял. Чиновник, дослужившийся до должности наместника, пусть даже захолустной области, не мог не быть с молодых ногтей конформистом — иначе он не сделал бы вообще никакой карьеры. Пилат смотрел на вещи точно так же, как смотрели на них все высокопоставленные римские начальники, как думали все настоящие римляне, как принято было думать тогда в Римской Империи. Отсутствие интереса к истине и ко всяким отвлеченным рассуждениям было характерной чертой античной культуры начала нашей эры — культуры напористой, сметливой, жестокой, самоуверенной, но абсолютно бездуховной, сосредоточившейся целиком на наилучшей организации видимого и осязаемого, чтобы извлекать из него максимум удобств и наслаждений. Римляне были сугубыми прагматиками, стопроцентными житейскими материалистами, а материализм в быту всегда порождает рационализм в мышлении и юридизм в правосознании. Прочитайте письма образованных людей той эпохи (кстати говоря, блестяще синтезированные Генрихом Сенкевичем в "Камо грядеши?"), и вы найдете в них четкость изложения, безукоризненную логику, острый критический взгляд, скептицизм, не минующий и самого автора, изящный юмор, но никогда не встретите даже наималейшей попытки прорваться в потустороннее. Эти "эллины", как называет их апостол Павел, жили всецело здесь, на земле, и даже не просто на земле, а на той ее территории, которую именовали PAX ROMANA, и не чувствовали никакой потребности выйти за ее пределы. Поэтому "безумием" для них были не только разговоры о воскресении распятого Христа (1 Кор. 1, 23), но и та фраза, которую Иисус произнес пред Пилатом: "Царство Мое не

от мира сего" (Ин. 18, 36). Душеведец Христос знал, конечно, что она будет воспринята Пилатом, олицетворяющим "эллинскую" цивилизацию, как бредовая, но именно поэтому и сказал ее. Этим он, фактически, положил конец "выяснению отношений" с этой цивилизацией: ты в своем пространстве, а Я — в Своем. И Пилат, как мы видим, прекрасно это понял и снял в отношении Иисуса все претензии.

Совсем по-иному отнеслись к Иисусу иудейские законоучители. "Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его! Пилат говорит им: возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу в Нем вины. Иудеи отвечали ему: мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим" (Ин. 19, 6). Замечательно, не правда ли: Иудеи считают величайшим преступлением Иисуса, заслуживающим самой жестокой казни, как раз то, что для Пилата есть чепуха, пустые разглагольствования. В чем же тут дело? На этот вопрос ответил Сам Иисус. Беседуя с фарисеями на горе Елеонской еще до ареста, Он сказал им: "Вы делаете дела отца вашего" (Ин.8,41), а затем разъяснил, кто этот отец: "Ваш отец диавол".

Диавол — обезьяна Бога. Претендуя быть творцом, он ничего не может выдумать сам и ворует у Бога, искажая и извращая украденное, редуцируя его в применении к своему ограниченному мышлению. Это значит, что, ненавидя Бога как своего конкурента, он находится от Него в рабской зависимости, что еще больше усиливает его ненависть к Нему. Ясно, что ненависть исключает безразличие, поэтому быть равнодушным к Богу-Сыну сыновья диавола не могут. И своими криками "распни, распни Его!" и "кровь Его на нас и на детях наших" (Мф. 27,25) иудеи убедительно подтвердили вынесенный еще до этого диагноз Иисуса по поводу их сыновства.

Итак, все становится на свои места, "иерусалимский треугольник" наполняется простым и глубоким смыслом. Одна из его вершин — истинная духовность, другая — бездуховность, третья — антидуховность, она же лжедуховность. Что же касается сторон, то они выражают следующие попарные отношения между вершинами: взаимное безразличие между духовностью и бездуховностью, ненависть лжедуховности по отношению к истинной духовности со стороны последней. А что можно сказать о стороне, соединяющей лжедуховность и бездуховность? Эмпирически мы знаем, что между ними имеет место взаимная вражда. Почему она возникает? По очень простой причине: это вражда конкурентов. Дело в том, что лжедуховность обитает вовсе не в потустороннем пространстве, ее интересует не Царство Божие, а здешняя реальность, поэтому ее глава прозывается "Князем мира сего" или "миродержцем". И выполняющие волю этого князя люди ставят одной из главных целей политическое завоевание мира. Будучи именно такими людьми, фарисеи неизбежно должны были видеть в римлянах, правивших тогда вселенной, своих злейших соперников, а римляне в них — потенциальных бунтовщиков. Правильность последнего взгляда подтвердилась уже через 33 года после распятия Христа, когда иудеи

подняли восстание против Рима.

Вторая проекция

Попробуем увидеть картину Ге "зеркально": не "Иисус стоит перед Пилатом", а "Пилат стоит перед Иисусом". Что же видел в Пилате Христос и что, следовательно, должны видеть в нем и мы? Античную языческую цивилизацию, это понятно. Но в чем была ее суть и на что она опиралась?

Богословы определяют язычество, как фетишизацию всего природного и естественного, как поклонение твари вместо поклонения Творцу. Но ведь выхватить из природы в качестве главного объекта поклонения можно разное, отсюда и разные виды язычества. Ясно, что чем совершеннее этот объект, тем качественнее и устойчивее будет основанная на его культе картина мира. Самой совершенной тварью, как известно, явился человек, созданный в Шестой день, почему он и именуется "венцом Творения". Римское ("эллинское") язычество ориентировалось как раз на природного человека, полностью принимая тезис древнегреческого мудреца Протагора "Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют". Современный философ П. П. Гайденко поясняет эти слова так: "То, что доставляет человеку удовольствие, хорошо, а то, что причиняет страдания, плохо. Критерием оценки хорошего и дурного становятся здесь чувственные склонности отдельного индивида". Это очень важное пояснение: человек понимается в рассматриваемой системе взглядов как индивидуум, а не как род, нация или все человечество. Такое восприятие термина "человек" языческим сознанием вполне закономерно, ибо биологическим, т. е. природным объектом является особь, в то время как вид представляет собой уже некую абстракцию. Поэтому, говоря научным языком, цивилизацию, которая предстояла Христу в лице Пилата, можно назвать индивидуалистическим антропоцентризмом.

Совсем с другой цивилизацией столкнулся Иисус в синагоге. Те, кто там Ему предстоял, были наследниками ветхозаветного миропонимания, следовательно, библейского понимания слова "человек". Читая же Библию, мы видим, что у ветхозаветного народа было необыкновенно сильное племенное чувство. Родовое начало было для него не отвлеченным понятием, а живой реальностью, которую они называли "семья". Библейские люди заботились в первую очередь не об индивидуумах, а о том, чтобы не прекратился род. Эта забота простиралась так далеко, что возник кажущийся нам сегодня странным и даже безнравственным обычай жениться на вдове умершего брата. "И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семья брату твоему" (Быт. 38, 8). Моисей закрепил этот обычай в синайском законодательстве, о чем мы узнаем из Евангелия от Матфея: "Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семья брату своему" (Мф. 22, 24).

Как известно из той же Библии, избавленный Богом от египетского плена еврейский народ был вначале весьма благочестивым. Свое избранничество он понимал как миссию знакомить другие народы с истинной религией, а задачу сохранения чистоты рода — как исполнение Божьего замысла выращивания той ветви человечества, от которой должен произойти Мессия. Но удержаться достаточно долго на этой высокой ноте он не сумел и постепенно сполз к элементарному "кровяному национализму" — к ложному убеждению, будто сама генетика делает его особым народом, возвышающимся над остальными. Ко времени прихода Христа это было уже всеобщее убеждение иудеев, и несмешивание с соседними племенами стало для них самоцелью и средством утверждения в своем высокомерии и презрении к другим нациям. Поэтому иудеи отвергли призыв Христа к личному спасению: еврейский народ, дескать, уже спасен как избранный, а индивидуальное спасение автоматически следует из принадлежности к нему. Саддукеи довели эту идею до логического конца и заявили, что нет никакого Царства Божьего. Мог ли в такой системе понятий Бог остаться чем-то кроме формальности? Конечно, не мог, так что в лице иудеев Иисусу противостоял четко выраженный коллективный антропоцентризм.

Так мы получаем ключ ко второй интерпретации иерусалимского треугольника. Главной его вершиной является тот же Бог, но теперь не в учительной функции, а в жизненно-организующей. Соответственно, отпадение от Него означает здесь Его замену в качестве организующего центра человеком. Но сказать "на место Бога ставится человек" еще мало: надо уточнить, какой человек — индивидуальный или групповой. В принципе возможны оба варианта, и им соответствуют две остальные вершины. Одна из них символизирует "эллинскую" экзистенцию, другая — иудейскую. Какая из них лучше? На этот вопрос нет ответа, а вот если поставить его иначе: "какая из них хуже?", то ответ есть: обе хуже. Став в безбожном мире пупом земли, личность замыкается в себе самой, становится от этого все беднее, и страдает от одиночества, а коллектив неизбежно начинает подпадать под воздействие стадных инстинктов и подавлять каждого входящего в него человека. Иными словами, в таком мире мы оказываемся перед вынужденным выбором между двумя равно неприятными вариантами.

Преодолеть эту дилемму можно только одним способом: вернув Бога на Его законное место и положив приближение к Нему главной задачей своей жизни. Тогда антиномия между личным и общественным исчезнет сама собой.

Представим себе людей, расположившихся на окружности, в центре которой находится Бог. Если они начнут двигаться по радиусам к центру, расстояния между ними станут сокращаться. Это вызовет удивительные последствия. Приближаясь к Богу, люди приблизятся к истине, а поскольку истина одна, они станут единомышленниками, поэтому возникающее при этом их взаимное сближение будет не подавлять, а радовать каждого,

укрепляя его в правильном взгляде на вещи и делая членом единого братства. В самом основании такого мира заложено чудо: стремясь только к одному, человек заодно получает другое и третье. Именно об этом сказал Христос: "Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (Мф. 6, 33).

Все повторяется

То, что произошло два тысячелетия назад в синедрионе и в претории, длилось всего несколько часов. Но это была как бы очень краткая увертюра к длинной-предлинной опере. Суд над Иисусом, который тогда начался и кончился в течение одного дня, развернулся теперь в гигантских масштабах мировой истории по той же самой схеме противостояния.

Современная цивилизация, начавшая свой отсчет времени в XV веке, когда раннее Возрождение выдвинуло совершенно новую шкалу ценностей, откровенно антропоцентрична. Наши лозунги — все для человека", "все во имя человека", "человек это звучит гордо", а песни — "нам нет преград ни в море, ни на суше", "мы на небо залезем, разгоним всех богов". Мы настолько самоуверенны, мы так всерьез считаем себя хозяевами вселенной, что гордыня Адама и Евы или строителей Вавилонской башни кажется детским лепетом. Та, что сидит сегодня в нас, куда больше. Если что-то у нас не получается или срывается, она может прикусить язык, но при малейшем успехе вырывается наружу, и тогда начинается безудержное хвастовство. Стоит лишь вспомнить 1957 год, когда был запущен первый искусственный спутник Земли: какое началось тогда грандиозное, оглушительное бахвальство! Все сразу стало нам по плечу, завтра звездолеты с нейтринными двигателями понесут людей к другим галактикам, срок человеческой жизни будет продлен наукой до 300 лет и более, болезни исчезнут, будут созданы умные киборги и терминаторы, и так далее — и все это настолько безапелляционно, что многие наивные читатели полагали, что это уже есть. Сейчас пошла другая полоса, многое у нас не ладится, генной инженерии не получается, ибо, чем больше мы изучаем ДНК, тем она становится таинственнее, космические программы ничего не дали и свертываются, над нами нависают различные кризисы — экологический, демографический, энергетический и прочие, — но все равно все наши помыслы сосредоточены на человеке и только на нем, и неудачи этого господина вселенной ощущаются нами как временные. Никакого официального отказа от антропоцентризма нет, и лучшее доказательство тому — наша масс-культура, неизменно самовлюбленная и наглая. А раз имеет место человекобожие, то оно естественным образом расщепляется на персональное и социальное, на "римский" и "иудейский" варианты. Представители второго — утописты, социалисты, марксисты, маоисты, троцкисты, масоны и, конечно, современные иудаисты; первый вариант олицетворяют протестанты всех направлений и их идейные преемники — апологеты "свободного мира",

защитники "прав человека", под которыми понимаются исключительно права индивидуума, короче, идеологи западной капиталистической системы жизнеустройства. И точно так же, как это было два тысячелетия тому назад, индивидуалисты безразличны ко Христу, ибо бездуховны, а коллективисты ненавидят Его, поскольку являются носителями отрицательной, сатанинской духовности.

Почему она пристаёт именно к ним? Это, в общем-то, понятно. Индивидуум достаточно надёжно защищён от лукавого самой своей биологией. Хотя в нём и есть изъян первородного греха, это своя собственная, а не наведенная порча. Случаи, когда бес вселяется в отдельного человека, редки — в этих случаях человека называют "одержимым" и подвергают какому-то виду лечения или лишают свободы. Но когда на безбожной основе люди собираются в группу, в ней возникает как бы коллективная душа, которую нечистый быстро облюбовывает в качестве места своего обитания. Поскольку там нет Бога, он находит сей дом "незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там" (Мф. 12,44). Не случайно секты, сознательно связавшие себя с бесами, — оккультисты, герметики, иллюминаты, теософы и последователи каббалы — тесно переплетены с социалистами и масонами и в определенной степени являются их предшественниками. Не случайно и то, что вызвать темных духов с помощью блюдечка можно лишь коллективно.

Если брать нашу нынешнюю цивилизацию в целом, то это цивилизация Пилата. В мировой экономике правит бал капитализм, основой которого, как показал Макс Вебер, является протестантское индивидуалистическое начало, и экономическая надстройка охраняет и укрепляет свой идейный базис. Но в качестве мощной оппозиции, то побеждая в каких-то странах, то снова терпя поражение, живет "левая идея", сводящаяся к культу коллективизма. И нам хорошо видно, насколько различно отношение к христианству этих двух отпавших от него сил. Особенно наглядно эта разница предстает нам, русским, поскольку еще недавно мы жили в "Иудее", а теперь оказались в "Риме". Вспомним, как коммунисты приходили в бешенство от одного имени Христа... Впрочем, память вещь ненадежная, поэтому давайте сходим на какое-нибудь кладбище. Нам откроется там странная картина: похоронены вроде русские, а кладбище будто иудейское — почти нет крестов. И только присмотревшись к торчащей арматуре, мы поймем: они были сбиты. Духовные потомки тех, кто кричал "Распни, распни Его!", яростно уничтожали напоминания об орудии распятия.

Теперь они затаились, и в России воцарилась языческая веротерпимость. Но означает ли она поворот к Христу? Ответ дает отношение нашего общества к Туринской Плащанице, запечатлевшей на себе все раны и побои нашего Спасителя. Мы реагируем на это "пятое Евангелие" так же, как отреагировал бы Пилат: "Значит, мы действительно искуплены Христом? А что есть искупление?" И, не слушая ответа, идем по своим делам.

А ведь победа будет снова за Ним! Неужели не страшно?

10. Победа над смертью

Наконец мы подошли к развязке того сюжета, который завязался на Благовещение. То, ради чего Бог воплотился, свершилось. Христос воскрес!

Пасха — праздников праздник, торжество из торжеств. "Пасха всечестная, Пасха Христос избавитель, Пасха непорочная, Пасха верных, Пасха, двери райские нам отверзающая" — поется в пасхальных стихирах.

Почему такая радость. За Бога ли, пострадавшего, умершего и ожившего мы радуемся?

Нет, пасхальная радость другого оттенка. Мы радуемся тут главным образом за себя. Представьте себе людей, сидящих в камере и приговоренных к смерти. И вдруг они узнают, что некто ценой огромных усилий добился отмены им приговора. Понятно, какое чувство наполнит их сердца, как они возликуют. Вот это-то чувство и сродни пасхальному. Пасха — это радость нашего избавления от смерти. И избавил нас от нее Иисус Христос, Который поэтому именуется "Спаситель", сокращенно "Спас".

Ценой каких же усилий далось Ему наше спасение, что пришлось Ему для этого сделать? О, в двух словах на этот вопрос не ответишь. Надо сначала сказать, от чего нас надо было спасать. Спасать нас надо было от нас самих, от губительной наследственности, поразившей человеческий род со времен грехопадения наших прародителей. Это был трагический момент мировой истории. Весь космос вздрогнул в ответ на дерзкое безумие Адама и Евы, пожелавших "стать как боги". Об этом миротрясении можно говорить даже не в переносном смысле, а в буквальном. Дело в том, что вселенная была создана Богом не ради ее самой, а лишь для того, чтобы в ней мог существовать человек. Физика была устроена как подножье биологии, биология — как подножье антропологии. Говоря это, мы опираемся не только на Священное Писание, согласно которому человек есть венец творения, но и на научные данные. Современная наука открыла так называемый "антропный принцип мироустройства" — точнейшую настройку всех мировых констант — гравитационной, ядерной, электромагнитной, отношения массы протона к массе электрона и других — на возможность образования биологических полимеров, а следовательно и жизни. Собственно, суть Замысла состояла только в сотворении человека, но материальная составляющая этого будущего двухприродного существа должна была заранее получить прочную материальную базу, и в качестве такой базы и была создана огромная пирамида вещественной вселенной, на вершину которой должен был быть помещен человек. Все уровни этой пирамиды были подогнаны под задуманные свойства ее вершины, т. е. человека. А главным свойством человека должно было быть его богоподобие, т. е. святость. Богоподобие должно было дать ему способность общаться с Богом еще в земной жизни, а после разлучения души с ее

материальной оболочкой войти в уготованное для него Царство Небесное. В пригодности ко вхождению туда состояло его бессмертие. Но когда, дурно распорядившись данной ему Творцом свободой, он внутреннему богоподобию предпочел внешнее, возмечтав играть роль Бога, он стал для вхождения туда не годящимся и тем самым лишился бессмертия.

Мы сказали "человек был замыслен Богом". Точнее было бы сказать "замыслен и создан Богом". Но каким Богом? У нас, конечно, единобожие, наш Бог по Своей сущности один, однако Он имеет три Лица. Какое же участие в сотворении человека принимали эти Лица? У них произошло как бы разделение функций. Замысел принадлежал Богу-Отцу, а исполнение Замысла — Богу-Сыну, Который потом привлек к его осуществлению Бога-Святого Духа. Говоря коротко, Отец — это Воля, Сын — Разум, Дух — Животворящее Дуновение. Отец хочет иметь некий мир и сообщает Сыну, какой именно мир Ему нужен, и Сын с помощью Духа переводит это общее требование на язык конкретной структуры. Это как архитектор и конструктор. Архитектор придумывает, конструктор реализует придуманное в материале. Кто из них творец? Конечно, архитектор. В Символе Веры так и говорится: "Верую во единого Бога-Отца Вседержителя, Творца небу и земли". Но дальше "Им же вся быша" о Сыне. Так и следует говорить. Находясь в каком-то здании, мы можем сказать, что оно стоит и не падает благодаря конструктору, а не архитектору, то есть конструктором оно "стало быть". Это и сказано о Сыне в Евангелии от Иоанна: "Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть". Волею Отца, но через Сына. По инициативе Отца, но благодаря Сыновней мудрости, Софии. Это не значит, что у Самого Отца не хватило для этого мудрости — просто у Него и у Сына как у отдельных Лиц раздельная, неодинаковая мудрость, и нужны были обе. В греческом языке это различие передается лучше, чем в нашем: общая (видовая) идея именуется там "эйдос", а конкретная, материализованная в конфигурации, — "логос". Последний термин переведен на церковнославянский язык как "слово" и отнесен к Богу-Сыну, что свидетельствует о тонком понимании предмета нашими предками. Ведь "слово" — это одновременная идея и структура. Это — идея, раскрывающаяся в текстовом, т. е. материальном оформлении, а именно материальное оформление Замысла о мире, увенчанном человеком, требовалось Отцу от Сына. По заданию Отца Сын должен был дать словесное, структурное описание сущности тварного мира с человеком на вершине, но поскольку поскольку НА БОЖЕСТВЕННОМ УРОВНЕ СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТВОВАНИЕ СОВПАДАЮТ, Сыну пришлось стать этим описанием. Потому-то Его и называют "Бог-Слово".

Кроме Сына у задумавшего создать человека Отца был еще один сотворен — сам человек. Замысел о человеке предусматривал его свободу, а запрограммировать свободу, закодировать ее в ДНК, нельзя, так как любое запрограммирование означает несвободу. В этом и состояла сложность Замысла, потребовавшего для своего осуществления высшего творческого

усилия, выражаемого арамейским словом "бара". В библейском рассказе о сотворении мира этот глагол употреблен три раза: когда говорится о создании "неба и земли", где под "небом" понимаются "силы небесные", т. е. ангелы; о создании высших животных ("И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею") и о создании человека. Во всех этих случаях решалась, в принципе, одна и та же задача: получить существо, поведение которого не было бы вынужденным, а диктовалось бы собственной волей. Во всех других случаях в Шестодневе употреблен глагол "аса", означающий скорее мастерство, чем подлинное творчество.

С человеком Богу было особенно трудно, так как он один из всех свободных существ должен был обладать богоподобием, а значит и самой высокой степенью свободы — ведь Бог есть абсолютная свобода. У него в программе была оставлена самая большая недописанная часть, так что Адама в большей степени можно было назвать полуфабрикатом, чем ангелов. Его ДНК содержала "чистые страницы", которые должны были заполняться им самим. Это давало ему уникальный шанс, но и возлагало на него великую ответственность. Ведь после заполнения пробелов в ДНК ничего добавить уже нельзя, и то, что туда вписано, будет передаваться из поколения в поколение по установленным Богом законам генетики. Что же Адам должен был туда внести? Добавление должно было определить вид свободы, которую он изберет. А вида у свободы всего два: угодная и негодная Богу. Чтобы пояснить это, лучше использовать такой синоним свободы, как "воля". С точки зрения Бога воля человека может быть доброй — когда человек добровольно исполняет то, что ожидает от него Господь, — и злой, не совпадающий с желанием Творца, а направленной на выполнение своих желаний, и тогда человек поступает своевольно. Адам должен был сделать выбор между этими двумя вариантами, и сделать его не только за себя, но и за всех своих потомков. Он выбрал своеволие.

Это была двойная катастрофа. Во-первых, не осуществился Божий проект создать подобное Себе существо, которое могло бы стать Его другом и собеседником в Небесном Царстве. Во-вторых, как мы уже говорили, человек лишился блаженной вечной жизни. Для Бога огрех, для человека грех, для Бога досада, для человека гибель.

Не странно ли, что всемогущий Бог потерпел неудачу? Нет, не странно. Да, скажем еще раз, в лице человека Он создал камень, который Сам не мог поднять, но Он этого и хотел. Он сознательно пошел на то, что богословы называют "Божественный риск", и в этом заключалась Его воля.

Неудача, связанная с риском, была временной. Бог поругаем не бывает, Его святая воля не может в конечном счете не свершиться. И она свершилась. Грех исказил плоть человека, и это наследуемое искажение плоти не пускало его в Царство Небесное. Значит надо было эту плоть подремонтировать. В какой мере? Вернуть к исходному варианту? Но тогда грехопадение могло бы опять повториться. Не желая больше рисковать, Творец избрал теперь

другую стратегию обретения богоподобного человека: стратегию отбора. На этот раз Он пожелал сделать человеческую плоть такой, чтобы человек мог стать пригодным для вхождения в Царство, но лишь при большом желании, большом старании и вере во Христа. Тем, кто имел или развивал в себе это, и было предназначено вечное блаженство, а остальных было решено отсеивать. Такой метод наполнения Царствия может показаться негуманным, но вспомним, что такое "негуманное" к себе отношение человек навлек на себя сам.

Тут возникает вопрос: а зачем Бог так упорно, не мытьем так катаньем, стремится создать святого человека — стоит ли эта игра свеч? Читая жития, мы видим, что поведение святых жестко детерминировано, их реакции на происходящее у всех одинаковы. Но это значит, что они несвободны! Стоило ли Богу затевать весь сыр-бор, если Он в итоге получает марионетку?

Да, у святого человека действительно есть нечто схожее с запрограммированностью: его поведение, в принципе, определено однозначно. Но эта детерминированность не устраняет свободы, а напротив, поднимает ее на самый высокий уровень. Чтобы пояснить это, рассмотрим такую воображаемую ситуацию. Житель планеты с развитой наукой и техникой наблюдает в мощный телескоп за нашей жизнью и пишет диссертацию на тему "Есть ли у землян душа?". Для определенности он сосредоточивается на наблюдении за женщинами, имеющими маленьких, детей. Он регистрирует случаи, когда мать идет с ребенком по берегу реки, и ребенок падает в воду. Одно наблюдение, второе, третье, тысячное. Статистика набрана, пора делать научный вывод. Вывод, по его мнению, очевиден: во всех тысяче случаев мать бросилась в реку вслед за дитем, даже если не умела плавать. Следовательно ее поведение жестко запрограммировано, то есть она является автоматом и не имеет души. Что тут сказать? Формально заключение правильно, но мы-то знаем, что на самом деле оно абсолютно ложно. В самоотверженном поступке матери, готовой отдать собственную жизнь ради ребенка, как ни в чем другом раскрывается ее свобода, ее живая душа. Да, ее толкает на этот поступок начертанный в ее сердце закон, но это особый закон — закон любви. Он предоставляет человеку высшую форму свободы — свободу служения. Этот-то закон и следовало вписать Адаму в оставленное на его ДНК пустое место, и тогда он стал бы абсолютно свободным и в то же время угождающим Богу. Но он вписал туда не любовь, а себялюбие и сделал себя и своих потомков рабами греха и страстей, обреченными на погибель. Самое трагическое было в том, что последующие поколения уже не могли исправить его ошибку, так как кодировка ДНК была завершена, а изменить ее сам человек не в состоянии.

Но "невозможное человекам возможно Богу" (Лк. 18, 27). Отец пожелал открыть человеку путь к вечному блаженству, и Сын снова должен был это желание исполнить. На этот раз исполнение было особенно трудным и болезненным. Сыну надо было вникнуть в то, какие именно пагубные искажения были вызваны грехопадением, понять сущность греховного

человеческого организма в полном цикле его развития от эмбриона до окончательной зрелости. Понять — значит вобрать в себя, следовательно Сын должен был вобрать в Себя сущность злокачественной людской плоти. Но как уже сказано, в Боге сущность и существование совпадают, поэтому "вобрать в Себя сущность греховной людской плоти" означало для Сына "существовать в этой плоти", взять ее на Себя, т. е. воплотиться. Он это и сделал в день Благовещения.

Воплощение уже само по себе было колоссальным унижением и умалением Бога-Слова. Вот как говорит об этом апостол Павел: "Уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек. смирил Себя, быв послушным даже до смерти и смерти крестной" (Фил 2, 7). Какое царственное величие в этом добровольном унижении! Господи, слава Тебе!

Кому же Он был послушен? Во всем Евангелии нет ни единого указания на то, что Он подчинялся каким-то людям, какому-то начальству. Наоборот, там подчеркивается, что Он говорил "как власть имеющий", и все дивились этому (Мк. 1,22). Из Него изливалась осязаемая всеми таинственная сила, в Нем бы какой-то несравненный аристократизм. Хотя Он и призывал научиться от Него кротости, никакой кротости никто в Нем не видел. Никому бы и в голову не пришло похлопать Его по плечу. С первосвященниками, которым Он, по идее, в первую очередь должен был подчиняться, Он говорил с неслыханной дерзостью, на вопросы римского наместника Пилата не отвечал. Нет, не людям Он был послушен, а Отцу. И Свой великий подвиг, начавшийся с унижающего Его воплощения, Он совершил тоже рада Отца, а не ради нас, как ни лестно нам было бы так думать. Совершил для того, чтобы исправить Отцовскую неудачу, хотя как бы и запланированную Самим Отцом. И воплощение в этом подвиге не было самым трудным элементом, дальше предстояло нечто куда более ужасное.

Падшему человеку нужно было дать другую плоть, которая по своей сущности позволила бы обрести ему вечную жизнь. Но для этого сперва нужно было уничтожить старую плоть, не дающую ее обрести. А эта сущностно испорченная плоть была на Нем. Значит надо было отдать ее на растерзание и смерть.

Здесь уместно сделать небольшое отступление, чтобы отметить полную неприемлемость для православной мысли католического догмата "О непорочном зачатии Девы Марии", Он состоит в утверждении, что в момент зачатия Иоакимом и Анной будущей матери Иисуса Христа с плода особым космическим актом был снят первородный грех, так что Мария еще в зародышевом состоянии сделалась "новозаветным человеком". Понятно, для чего римской церкви понадобился этот тезис: желая поставить свою паству в абсолютную от себя зависимость, она этим заранее отводит возражение, состоящее в указании на достижение Девой Марией такой святости, которая позволила ей стать Матерью Бога, безо всякой помощи со стороны христовой церкви, которой тогда просто не было. Ватикан поясняет: это было

исключение, уникальное событие, которое больше никогда не повторится, так что теперь обновления нашей плоти можно ожидать только от церкви. Но в своем безудержном стремлении к власти над душами католические богословы так переусердствовали в софистике, что с момента принятия этого догмата, т. е. с 1854-го года, их надо уже не упрекать в "отклонении", а осуждать в тяжелой ереси, несовместимой с самой основой христианской веры. Судите сами: если Дева Мария имела от Бога новую плоть, то родившийся от нее Святым Духом Иисус тем более был облачен в новую плоть. Но тогда зачем Ему понадобилось умертвить ее и одеться в другую? И если Творец так легко и быстро мог снять с Марии первородный грех, почему бы Ему не сделать это и с остальным человечеством и вернуть ему вечную жизнь без восхождения любимого Сына на Голгофу? Тут двойной абсурд, перечеркивающий весь смысл Боговоплощения и крестной смерти Иисуса Христа.

В дивной молитве, называемой "Великое славословие", коротко и ясно раскрыта суть Искупления: "Вземляй грех мира". Православная церковь со времен апостолов не только верит, но и знает, что Христу для нашего спасения пришлось взять на Себя наш первородный грех, который нам было не под силу искоренить собственными усилиями. И в то же время мы постоянно повторяем, что Иисус был безгрешен, что, воплотившись, Он сделался подобен нам во всем, кроме греха. Как это совместить? Только так: Он оделся в грешное ветхозаветное тело, но душою остался безгрешен, так как при двух Своих естествах — божественном и человеческом, личность в Нем была одна, и это была Божественная личность. А если кому-то покажется, что Богу неприлично вселяться в грешную плоть, напомним, что Ему "неприлично" вселяться в любую плоть, даже самую совершенную, поскольку между Богом и любой сотворенной данностью — бездна. Раз уж Он преодолел ради выполнения Своей задачи это "неприличие" и стал бранным существом, то вопрос о том, что это за существо, не играет роли. На фоне бесконечного унижения, связанного с самим фактом воплощения, было бы неприемлемым даже и то дополнительное унижение, которому Он бы подверг Себя, сделавшись не человеком, а тараканом, так как разница между этими двумя тварями неизмеримо меньше, чем разница между ими обоими и Богом.

Что же касается нашего "искупления" Христом, а лучше сказать спасения, то сегодня, задним числом, его механизм достаточно ясно открывается нам во всех своих главных моментах. Одев на Себя греховную человеческую плоть, Бог-Сын прожил в ней, начиная с эмбриональной стадии, более тридцати лет, изучая буквально "на своей шкуре" все ее тромбы и метастазы, не позволяя входить в этой плоти душе войти в Царство Божие. Все эти завалы нужно было зафиксировать и внести в некое "досье" для последующего их устранения в обновленном варианте. Фиксировал же их Иисус опытным путем, лично натываясь то на один завал, то на другой. Он их, конечно, преодолевал, так как Бог может пройти через

любую стену, но, преодолевая, запоминал, где они расположены. И когда Он достиг возраста, после которого уже начинается старение, вся информация о дефектах человеческой плоти, которую можно было получить, живя в ней, была Им получена. Но опись метастаз первородного греха этим не была еще закончена: чтобы доставить полную карту порчи, необходимо было знать не только как ветхозаветная плоть живет, но и как она страдает и умирает. Человеческой половине Иисуса было страшно идти на страдания и смерть, и Он взмолился: "Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!", но тут же, видимо, понял, что без этого дело не будет доведено до конца, и добавил: "впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет-" (Лк. 22, 42).

Невообразимую крестную муку Бога-Сына, завершившую первый этап нашего спасения, мы вспоминаем в пятницу Страстной седмицы.

Затем дело спасения вступило во вторую фазу: Бог-Сын стал наращивать на Себя новую плоть, в которой все выявленные завалы были устранены. Это был довольно длительный процесс, начавшийся еще во гробе и не закончившийся даже космическим взрывом, называемым Воскресением, который выжиг на пеленах поразительное изображение умершего Христа, содержащее подробную информацию о всех перенесенных Им страданиях. Уже после Воскресения, встретив в саду Марию Магдалину, Он сказал ей: "Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему" (Ин. 20, 17). В этот момент формирование на Нем обновленной плоти еще продолжалось.

Когда оно закончилось, наступил третий и последний этап. С этого момента и по сегодня всякий человек мог и может открыть дверь в Царствие, если будет стараться исполнять евангельские заповеди и верить во Христа. В этом случае Святой Дух, имеющий неограниченную власть над материей, переоденет его в тело нового образца, созданное Сыном. Сам Христос называл это мистическое обновление плоти "рождением свыше" и в разговоре с иудейским начальником Никодимом разъяснил, что это такое. "Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие" (Ин. 3, 3–5). Поэтому при крещении (рождении от воды) мы говорим: "Во Христа облакаемся" — рождаясь и от Духа, начинаем одеваться в заготовленную Им для нас новую плоть, в которой Он ходил по земле от Воскресения до Вознесения. Завершится ли этот, инициированный крещением процесс — зависит от нашей дальнейшей жизни. Пасхальная радость — это ликование по поводу того, что возможность такого переодевания теперь существует. И это радость не только людей, но и всего мира, существование которого имеет лишь то оправдание, что в нем могут появляться святые. Мир тоже освобожден Христовым Воскресением, ибо вся тварь стенала и мучилась из-за нашего греха (Рим 8, 22). Поэтому, наверное, и солнышко по-особому играет обычно на Пасху.